

ГРОБНИЦА.



ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГРОБНИЦА,

сочиненіе

Г-жи. Радклифъ,

изданное послѣ ея смерти.

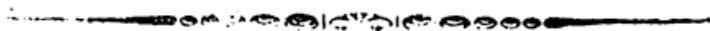


Переводъ съ Французскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.



Изданіе второе.



О Р Е Л Ъ.

Въ Типографіи Сыпина.

1822.

Печаташь позволяется съ
тѣмъ, чшобы по напечатаніи,
до выпуска изъ Типографіи,
представлены были въ Цензур-
ной Комитетѣ: одинъ экзем-
пляръ сей книги для Цензурна-
го Комитета, другой для Де-
партаменту Министерства
Просвѣщенія, два экземпляра
для Императорской Публич-
ной Библиотечки и одинъ для
Императорской Академіи
Наукъ. Москва 1821 года,
Октябрю дня. Сію рукопись
разсматривалъ Э. О. Профес-
соръ Надворный Совѣшникъ

Николай Бскетовъ.



Г Р О Б Н И Ц А .



Г Л А В А I .

Комната, въ которой оставили Сиръ Карла, была обита синею камкою; внутри ея находился широкой алковъ, гдѣ спояла кровать изъ такой же матеріи: столбы ея означали пышность ея и величоссть; оспальная мебель была также великолѣпна, не взирая на то, что показывала равномерно свою древность. Комната эта была украшена двумя портретами въ человеческой ростъ; одинъ представлялъ *Ланцел та дю Лакъ*, имѣющаго при себѣ все оружія, а другой прекрасную *Шеневъ*

еву, жену Артура Англійскаго Короля, основателя права круглаго стола (*). Смотри на сіи картины Сирь Карль переносясь воображеніемъ въ позднѣйшимъ вѣкамъ: онъ представлялъ себѣ героическія времена, въ которыя вѣрность, чистосердечіе и любовь были всегда принадлежностію эпихъ храбрыхъ воиновъ, почипающихъ святымъ закономъ защищать угнетенную бѣдность и помогать несчастной добродѣтели.

Какая пьма идей раздалась въ душѣ Сирь Карла! То казалось ему, что Ланцелотовъ

(*) Во время Артура вѣкопороды Рыцари имѣли право обѣдать съ нимъ за круглымъ столомъ.

портретъ былъ поставленъ въ его комнату съ тѣмъ, чтобъ быть свидѣтелемъ несправедливости и насилія, которыя противъ него употребляли; потомъ считалъ за тѣмъ, чтобы возбудить его къ великимъ подвигамъ, къ которымъ его гоповили. Такимъ образомъ умъ его, ушомясь въ изысканіи причины сего приключенія, предспавлялъ ему мечты о славѣ.

Сидя противъ картинъ, Сиръ Карлъ смопригивъ на нихъ съ восхищеніемъ; воображеніе его распаляется: онъ видитъ въ Ланцелотѣ образецъ, которому долженъ послѣдовать; ему кажется, что полотно одушевляется, и что взоры Рыцаря на него устремляются. Потгруженный въ эту странную мысль, онъ не слышитъ, что происходитъ спукъ у его две-

ри; но наконецъ она отворяется и онъ выходитъ изъ своего забвенія.

Нѣсколько человекъ, одѣтыхъ также какъ тѣ, которые его встрѣпили, вошли къ нему; двое спали у дверей, между тѣмъ, какъ оспальные накрывали столъ и усталили его вкуснымъ кушаньемъ. Сиръ Карлъ, сохраняя всегда свое хладнокровіе, сѣлъ за столъ и ѣлъ спокойно. Въ продолженіе обѣда, онъ спарался завести разговоръ съ служителями; но они наблюдали глубокое молчаніе; онъ истощилъ все свое краснорѣчіе, чтобы ихъ склонить къ отвѣтамъ; но все было напрасно: даже самое золото не подѣйствовало. Казалось, что они будто не слышали его словъ: ибо стояли около него неподвижно; только,

когда онъ имѣлъ въ чемъ надобность, то они немедленно ее удовлетворяли; но какъ скоро начиналъ говорить, то не дѣлали даже нималѣйшаго движенія. Наконецъ это упрямое молчаніе заставило его думать, что эти люди были нѣмы.

Когда онъ поѣлъ, то столъ былъ прибранъ съ поспѣшностію; черные люди удалились, и дверь, кою толщина удивила плѣнника, затворилась безъ шума: онъ слышалъ, что весьма тихо задвинули задвижки. Ему казалось, что хотѣли облегчить его участь самымъ нѣжнымъ вниманіемъ.

Все это удивляло Сиръ Карла; прекрасно изготовленное кушанье доказывало, что не хотѣли его умерщвить: великолѣпіе его тюрьмы, чистый воздухъ, коимъ онъ

могъ дышать, открывъ окошко въ обширной садъ, усердіе прислуживающихъ: все означало вниманіе, которое къ нему имѣли, и богатство его гонимеля. Но съ какимъ намѣреніемъ онъ его похитилъ? какая участь ему была предоставлена? онъ безпрестанно изыскивалъ причину эпой непоспимой тайны.

Отворивъ окошко, могъ онъ выпити на балконъ, обгороженный желѣзною рѣшеткою; онъ сѣлъ на немъ и до самой ночи смотрѣлъ на великолѣпной садъ, которой ему представлялся. Видъ красоты природы возбуждалъ въ немъ любовь къ свободѣ; онъ вздохнулъ, что былъ ее лишенъ, и думалъ непрерывно о средствахъ возвратить ее. Но какъ уйти онъ своихъ гонимелей? да если бы онъ и

успѣлъ въ томъ, по куда ипши? Онъ не знаетъ, въ какомъ мѣстѣ находится; молчаніе и черное одѣяніе людей, его окружающихъ, не позволяють даже и догадываться. Корабль, на которомъ его везли, шелъ девять сутокъ; но гдѣ онъ остановился? привезенъ ли онъ во Францію, Гишпанію, или Германію? кпо рѣшитъ его сомнѣніе?

Когда наступила ночь, по покрытые люди вошли опять въ комнату и принесли ужинъ. Сиръ Карлъ сѣлъ за столъ, менѣе сѣлъ тѣмъ, чшобы ѣсть, какъ еб тѣмъ, чшобы поглядѣть со вниманіемъ на спранныхъ своихъ прислужниковъ. Онъ надѣялся, что при свѣчахъ разсмотритъ сквозь покрывала ихъ лица, и тогда, можетъ быть, нѣкоторыхъ узнаетъ. Но тщетно напрягалъ

онъ свое зрѣніе; онъ никакъ не могъ увидѣть лицъ. Убѣжденъ будучи опытомъ, что вопросы его оставались безъ отвѣта, Сиръ Карлъ вышелъ изъ за стола не сдѣлавъ ни одного: ужинъ прибрали и оставили въ его комнатѣ лампаду.

По опшесшвіи эпихъ молчащихъ служителей, онъ вздумалъ, что часто пользовались ночнымъ мракомъ, дабы пугать такихъ же пѣнниковъ какъ онъ, возмущая сонъ ихъ необычайными явленіями. Будучи слишкомъ уменъ, чтобы бояться этаго вздора, онъ хотѣлъ однако увѣришься, что не гоповятъ ли ему такихъ испытаній, которыя пугаютъ ребятъ, но презираемы благоразумными людьми. Онъ ощупалъ всѣ стѣны, и не нашелъ нигдѣ отверстія, кромѣ двери въ

которую вошелъ; каминъ былъ загороженъ желѣзною рѣшеткою; полъ казался крѣпокъ, однимъ словомъ, ничто не подавало Сирѣ Карлу подозрѣнія, чтобы онъ былъ подверженъ видѣть ложныя привидѣнія; онъ легъ въ постель, и пререпѣнное имъ безпокойство доставило ему мирной сонъ.

На зарѣ Сирѣ Карлъ былъ пробужденъ пріятною мелодіею восхитительной музыки: безчисленное множество птицъ пѣли въ рощицахъ сада. Онъ снѣшилъ вспаться и открылъ окошко, дабы насладиться плѣнительнымъ ихъ концертомъ. Съ какииъ удовольствіемъ смотрѣлъ онъ на этоиъ садъ, гдѣ красоты искусства мѣшались съ природными; восходящее солнце позлащало вершины деревьевъ, колеблемыхъ упреннымъ

зефиромъ; птицы, летающія по ихъ вѣтвямъ, казалось, привѣтствовали другъ друга; благодѣтельная роса блистала на ихъ листьяхъ; цвѣты, оживленные свѣжестію ночи, наполняли воздухъ благоуханіемъ.

Прекрасная картина пробудившейся природы испребила на нѣсколько времени грусть Сиръ Карла; но онъ крайне сожалѣлъ о томъ, что не могъ гулять въ тѣни эпихъ прелестныхъ рощицъ: надежда найти въ нихъ средство уйти изъ своего заключенія, рождала въ немъ сильнѣйшее желаніе въ нихъ походить.

Въ восемь часовъ утра онъ услышалъ легкой спукъ у дверей своей комнашы; онъ спросилъ, кто спучилъ? но ему не отвѣчали; черезъ нѣсколько минутъ подали ему завыпракъ. Не

взирая на упрямое молчаніе покрытыхъ людей, онъ спросилъ: не позволено ли ему выпити въ садъ? Всѣ молчали, но одинъ потчасъ вышелъ; онъ возвратился чрезъ четверть часа и сдѣлалъ Сиръ Карлу знакъ за собою слѣдовать. За дверью онъ увидѣлъ двухъ человѣкъ, одѣтыхъ также, какъ и всѣ тѣ, которые встрѣчались ему въ замкѣ. Эти два человѣка, проведя Сиръ Карла чрезъ длинный коридоръ, свели въ садъ, гдѣ не удаляясь отъ него, дали ему полную свободу.

Сиръ Карлъ могъ выбиратьъ дорогу, какую ему угодно; надзиратели его не пропивились: они слѣдовали за нимъ нѣскольکو шаговъ позади. Сначала онъ пошелъ къ своему окошку, и подошедъ къ нему, не видалъ ничего такого, чтобы могло

споспѣшеспвовашь его побѣгу. Рѣшетка балкона была крѣпко вдѣлана въ стѣну, которая была такъ гладка, что никакъ нельзя было по ней спуститься, хотя бы и можно было изломать рѣшетку.

Огорченный эшимъ опкрытіемъ, Сиръ Карлъ думаетъ, что ему позволили гулять въ саду единственно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы убѣдись въ невозможности уйти изъ своего заточенія. Тогда онъ вздумалъ въ него не возвращаться: онъ хотѣлъ отойти далѣе отъ замка, найти въ стѣнѣ удобное мѣсто, чтобы перелесить, опломать полстѣй съукъ онъ дерева, напасть на своихъ надзирателей, привудить ихъ къ бѣгству и уйти черезъ стѣну. Онъ шелъ уже нѣкій часъ вдоль стѣны сада,

но не находилъ еще приличнаго мѣста для исполненія своего намѣренія; и наконецъ упомясь, ошдыхаетъ въ кипарисной рощицѣ. Недалеко отсюда видя въ онъ спасающую, изображающую надежду: это кажется ему добрымъ предзнаменованіемъ; онъ продолжаетъ идти далѣе и находивъ наконецъ мѣсто, гдѣ у самой стѣны была густая рошица; подлѣ нее лежало дерево, сломленное въпрямь, коего полные сучья могли служить ему оружіемъ. Сиръ Карлъ остановился, и чувствуя усталость, опасаясь, что не достанетъ у него силъ для побѣгу, и что еслили это узнаютъ, то могутъ скоро его догнать. Не хотѣвъ излишнею поспѣшностію потерять случая возвратить свою свободу, онъ опла-

гаеть свое намѣреніе до завтраго. Желая узнать, какъ далеко онъ находится отъ замка, притворяется, что чувствуетъ слабость, и просишь своихъ надзирателей отвести его ближнею дорогою. Однако онъ пришелъ не прежде, какъ черезъ четверть часа, и между тѣмъ расем привалъ со вниманіемъ всѣ предметы.

Возвратясь въ свое започеніе, Сиръ Карлъ чувствуетъ тихую радость, произведенную мыслию, что будетъ, можетъ быть, скоро свободенъ; онъ съ восхищеніемъ думалъ о своемъ предпріятіи, которое казалось ему весьма надежно.

Скоро пославленъ былъ обѣдъ; прогулка и внутреннее удовольствіе возбудили его аппетитъ. Когда прибрали столъ, то два челоѣка, казалось, ожи-

дали его повелѣнія, чтобы вѣсши его въ садъ; но онъ не оказалъ къ тому желанія.

Оставшись одинъ въ своей комнаѣ, Сиръ Карлъ по ней прохаживался; онъ размышлялъ о своемъ предпріятіи, какъ вдругъ глаза его нечаянно успремилась на порплетъ Ланцелопы. Небольшой зеленой рубчикъ, находящійся на рамѣ, привлекъ его вниманіе; онъ увидѣлъ тогда, что въ прехъ мѣстахъ этой рамы былъ мѣдной шарниръ, поддѣланной подъ золото. Замѣчаніе это убѣдило его, что порплетъ скрывалъ какую нибудь тайну. Не только любопытство, но и надежда найти средство уйти изъ своего заточенія, внушили ему желаніе это изслѣдовать. Послѣ продолжительныхъ розысковъ нашелъ онъ наконецъ

винтъ, находящійся въ небольшо-
шей мѣдной шишкѣ; онъ спалъ
его развинчивать, и какъ скоро
вывернулъ, то и шишка съ
нимъ опстала: портретъ по-
вернулся на петляхъ и от-
крылъ за собою небольшую
дверь, запертую двумя задвиж-
ками. Сиръ Карлъ отворилъ ее,
и увидѣлъ въ стѣнѣ лѣстницу;
онъ хотѣлъ по ней итти, но
темнота принудила его оста-
вить это предпріятіе; сверхъ
того могли къ нему войти; и
такъ онъ рѣшился ждать ночи,
чтобы удовлетворить своему
любопытству. Вставъ пор-
третъ въ свое мѣсто, прикрѣ-
пилъ его шишкою, и ждалъ съ
нетерпѣніемъ окончанія дня.

Послѣ ужина, Сиръ Карлъ
отворилъ опять дверь, кото-
рая была за портретомъ. Не-
устрашенный молодой человекъ

сходитъ по лѣстницѣ съ одной лампадою, и, можетъ быть, подвергается большимъ опасностямъ.

Сойдя ступеней пятьдесятъ, находить онъ въ стѣнѣ желѣзную дверь; она была заперта изнутри, и потому онъ никакъ не могъ ее отворить: сверхъ того онъ боялся сдѣлать шумъ. Продолжая спускаться, увидѣлъ онъ внизу лѣстницы такую же дверь, на которой задвижки были снаружи. Такъ какъ онъ были покрыты ржавчиной, то онъ съ трудомъ ихъ отодвинулъ и отворилъ дверь.

Тогда онъ вошелъ въ подземелье, гдѣ видны были останки развавшихся стѣнъ; мрачное это жилище было отчасти произведение природы и отчасти рукъ человѣческихъ. Изъ

рѣдка видны были столпы чрезмѣрной величины, поддерживающіе сводѣ. Одни были кирпичные, другіе изъ природныхъ камней: неправильная эта колонада представляла самое странное зрѣлище, но она доставляла удовольствіе Сирѣ Карлу: ибо онѣ надѣялся найти гдѣнибудь выходѣ.

Поуждаемъ этой мыслию, Сирѣ Карлѣ обходящѣ все повороты подземелья. Наконецъ онѣ подходящѣ къ такому мѣсту, гдѣ сводѣ сталъ очень низокъ; продолжая иппи, приходищѣ къ желѣзной двери, запертой тремя большими замками. Послѣ тщетныхъ усилій отпереть ее, долженъ былъ возвратищѣся, и приходищѣ онящѣ къ лѣстницѣ.

Первая эта неудача не оскорбила Сирѣ Карла; пиша-

ясь сладкою надеждою, пошелъ онъ въ другую сторону. Продолжая идти, входилъ онъ въ другое подземелье, какъ вдругъ слышитъ движеніе часовъ. Долго колебался онъ, идти ли далѣе; онъ опасался, чтобы его не увидали: но наконецъ любопытство преодолѣло страхъ, и онъ пошелъ впередъ съ своей лампадою. Вскорѣ приходилъ онъ къ рѣшеткѣ, проспировавшейся поперекъ подземелья, и сквозь нее видитъ машину чрезвычайной величины, которой не можетъ понять употребленія.

Между двумя мѣдными цилиндрами, имѣвшими по три фута въ діаметрѣ, находилось большое колесо съ двадцатью четырьмя спицами; на половинѣ каждой изъ нихъ видѣнъ былъ шарниръ, а на концѣ мѣдной шарикъ. Ось этого колеса

сообщалась съ другимъ зубчатимъ колесомъ, къ которому принадлежало еще множество небольшихъ колесъ, находящихся въ опверстіи, сдѣланномъ въ сводѣ. Въ серединѣ машины былъ тяжелый маятникъ, копорой движеніемъ своимъ причинялъ шумъ, слышанной Сиръ Карломъ, когда онъ вступилъ въ подземелье.

Между тѣмъ, какъ онъ разсматриваетъ странную эту машину, показалось ему, что онъ слышитъ стонъ и рыданіе вверху свода. Приложивъ ухо къ рѣшеткѣ, слушаетъ со вниманіемъ; однако все было тихо, и онъ счелъ, что это было дѣйствіе воображенія; но черезъ минуту тѣ же вопли поражаютъ его слухъ. Тогда, поспавъ лампаду на полъ, онъ взлезаетъ на вершину рѣшет-

ки и слышитъ слѣдующія слова, произносимыя съ рыданіемъ:

Мой люшый рокъ уже свер-
шилсѣ!

Увы! онъ мнѣ опредѣлилъ
Скончашъ въ ужасномъ заклю-
ченнн

Несносны и плачевны дни!

О вы, которыхъ грусть пер-
заетъ

Въ разлукѣ съ милыми душѣ!

Для васъ не все еще погибло —

Для васъ блеспитъ надежды
лучь!

* * *

И такъ умру я въ опдаленнн

Опъ милыхъ мнѣ, пріятныхъ
мѣстѣ;

Супругъ любезной не закроешъ

Мои слезящіе глаза!

Святой любви плоды невинны,

Увы! опъ насъ похищены —

Надеждой льспипься я не смѣю
Увидѣшь ихъ когда нибудь!

* * *

Тоской несносной удрученна,
Когда я здѣсь скончаю жизньъ,
Слеза супружеска, священна,
Мой хладный прахъ не оро-
ситъ!

Судьбой жестокой, непреклон-
ной,

На скорби я осуждена —
Я вижу лютой смерти жало —
Надежды лучъ въ душѣ по-
гасъ!

Сирѣ Карлѣ былъ пораженъ удивленіемъ. И такъ есть въ этомъ домѣ люди еще несчастнѣе его! Что же значило ужасное жилище, въ которомъ онъ находится? Погруженный въ самыя мрачныя размышленія, держался онъ на вершинѣ рѣшетки. Вдругъ часы бьютъ

полночь: плачевный голосъ раздается; машина начинаетъ дѣйствовать; колеса вертясь, и мѣдные шарики, ударяя въ цилиндры съ чрезмѣрною скоростью, производятъ прескъ, подобный грому.

Успрашенный симъ неожиданнымъ шумомъ, Сиръ Карлъ едва было не упалъ; но вскорѣ ободрился, и машина пришла въ прежнее положеніе. Тщетно слушаетъ онъ со вниманіемъ: смертное молчаніе царствуетъ въ обширномъ подземельѣ. Не слыхавъ болѣе ничего, онъ спускается внизъ, беретъ свою лампаду, и просовываетъ руки сквозь рѣшетку, дабы ощупать непонятную эту машину: вдругъ спускается пружина, колеса начинаютъ опять вертѣться, и движеніе, которое они причиняютъ въ

воздухъ, едва было не погасило лампы. Сиръ Карлъ удивляется этому же безъ страху; вчимапельно разсматриваетъ онъ машину, которая опять вскорѣ останавливается. Но напрасно старается онъ поспичь ея употребленіе; наконецъ, не могши ничего узнать, удаляется онъ съ сожалѣніемъ отъ мѣста, гдѣ есть несчастной, которому онъ желалъ было помочь; теперь онъ не имѣетъ на то никакого средства, но обѣщаетъ себѣ, что какъ скоро освободится изъ своего заключенія, то будетъ немедленно стараться о бѣдномъ спрадалцѣ.

Обошедъ это подземелье, Сиръ Карлъ находитъ еще новое, въ которое вошелъ также немедленно. Онъ былъ очень обрадованъ, когда увидѣлъ, что

находится въ такомъ мѣстѣ, которое давно оставлено : онъ ласкается надеждою найти выходъ. Между разбросанными камнями видитъ онъ кучу обсыпанной земли, которая сдѣлала небольшое отверстіе вверху свода. Поспавя свою лампаду на камень ; онъ взлезаетъ съ великимъ шрудомъ на земляную кучу, достигаетъ отверстія и видитъ въ него слабый свѣтъ луны и звѣздъ. Однакожъ почти не возможно было выпти изъ подземелья, потому что отверстие это было въ колодезь, сорока футовъ глубиною. Сирѣ Карлъ вспомнилъ, что прогуливаясь, видѣлъ это мѣсто. Не взирая на зашрудненіе, онъ хочетъ вылезти изъ колодезя ; онъ взлезаетъ уже двѣ сажени вверху, какъ вдругъ обрывается и упадаетъ

внизъ безъ всякаго вреда. Три раза покушался онъ на это предпріятіе и три раза имѣлъ ту же неудачу.

Изнуренный тщетными своими усиліями, онъ видѣлъ, что можетъ сдѣлать себѣ вредъ безъ всякой пользы; дабы вылезть изъ колодезя должно бы имѣть клинья, по которымъ онъ могъ бы взбираться къверху, втыкая ихъ въ землю. Онъ надѣется достать ихъ, когда возвратится въ свою комнату; впрочемъ, такъ какъ это мѣсто было очень обширно, то онъ надѣялся найти другой выходъ.

Мысль эта побудила Сиръ Карла возвратиться въ подземелье; онъ взялъ свою лампаду и обошелъ его снова. Непримѣтнымъ образомъ подошелъ онъ къ лѣспницѣ, и хотѣлъ

ишпи въ свою комнату за
 кольями, какъ вдругъ увидѣлъ
 отверстіе, закладенное камень-
 ями. Думая, что это былъ, мо-
 жетъ быть, выходъ, онъ по-
 ставилъ лампаду и отваливалъ
 камни. Когда онъ отвалилъ ихъ
 сполько, что можно было про-
 лезть, то взявъ лампаду по-
 лезъ въ отверстіе; онъ вступи-
 лъ въ рышину, въ концѣ
 которой была желѣзная рѣшеш-
 ка, запертая двумя задвижка-
 ми. Отодвинувъ задвижки, онъ
 вошелъ въ небольшой погребъ,
 вырытой въ бѣлой землѣ, ко-
 торой былъ очень сухъ.

Сиръ Карлъ готовъ уже
 былъ выйти изъ этого погре-
 ба съ прискорбною мыслию, что
 обманулся въ своей надеждѣ,
 какъ вдругъ ему показалось что
 то въ одной впадинѣ; онъ под-
 ходитъ и видитъ мертвое, вы-

сохшее тѣло. Оно было нагое и сидѣло приковано къ камню желѣзнымъ поясомъ и ошейникомъ; на колѣняхъ его лежалъ свертокъ бѣлаго сукна; въ одной рукѣ былъ окровавленный гвоздь, а въ другой погасшая лампада.

Сирь Карлъ опстунаетъ отъ ужаса при этомъ плачевномъ зрѣлищѣ; онъ стоитъ неподвиженъ. Смотри на мертвое тѣло, онъ думаетъ, что, можетъ статься, и онъ потерпитъ то же; онъ видя въ самага себя въ печальныхъ остаткахъ злополучнаго, которой конечно умеръ жертвою адскаго мщенія. Но кпо же обитаешъ въ этомъ таинственномъ замкѣ, въ которомъ скорбь и смерть представляются попеременно въ ужасныхъ видахъ? Кпо далъ жестокосердому пирату

власть похищать несчастныхъ
изъ семействъ и лишать ихъ
въ нѣдрахъ земли жизни?

Вскорѣ Сирѣ Карлѣ забываеиъ собспивенныя свои бѣдствія и думаетъ только о злополучномъ, находившимся передъ нимъ; онъ смотритъ на него съ состраданіемъ — вздохи пѣснятъ грудь его и слезы текутъ изъ глазъ. Ему кажется, что на сукнѣ написаны слова; онъ подноситъ лампаду и видитъ дѣйспивительно на немъ слова, писанныя кровью. Это умножаетъ его ужасъ; конечно кровь сія этаго несчастнаго; каждое слово, имъ писанное, было для него источникомъ новой скорби. Сирѣ Карлѣ содрогаеиъся, смотря на эту рукопись; однако, надѣясь узнать чрезъ нее имя гонителя сего несчастнаго, а мо-

жетъ бытъ и своего, беретъ ее дрожащею рукою; онъ думалъ, что скелетъ разсыпится, когда онъ пошевелитъ его; но онъ оспался въ цѣлости, и Сиръ Карлъ понялъ тогда, что сухая, бѣлая земля, вбирая въ себя влажность, сберегла его.

Какъ скоро онъ взялъ окровавленную рукопись, то спѣшилъ выпти изъ эшаго погреба, и искать выхода, чтобъ уйти изъ замка, гдѣ видѣлъ ежеминутно новыя ужасы и опасности. Онъ хотѣлъ обходить всѣ подземелья, какъ услышалъ что пробило при часа: и движеніе машины раздалось снова подъ мрачными сводами. Видя, что уже приближался день, и опасаясь, что скоро узнаютъ объ его побѣгѣ, рѣшился ждать до завтраго.

Онъ пошелъ въ свою комна-
ту. Взойдя на верхъ лѣсп-
ницы и зашворивъ дверь, за-
двинулъ задвижки; потомъ при-
творилъ картину и укрѣпилъ
винтъ, такъ что ни по чему
не лзя было подозрѣвать, что-
бы онъ выходилъ.

Приведя все въ порядокъ,
Сиръ Карлъ осмошрѣлъ прине-
сенную имъ рукопись; онъ уви-
дѣлъ, что кусокъ сукна былъ
не великъ; изъ самой тонкой
шерсти. Липеры были очень
явственны, только похожи на
гопическія, и, казалось, были
писаны по крайней мѣрѣ въ
назадъ. Онъ хотѣлъ бы шотчасъ
узнать содержаніе; но изнурен-
ный усталостію, чувствовалъ
необходимость во снѣ. Онъ
бросился на постель, и едва
могъ уснуть часъ: любопыш-

ство его разбудило; онъ развернулъ сукно и началъ чипаць (1).

(1) Не удивительно, что Киспонтъ могъ написать свою исторію на сукнѣ: въ Национальной библіотекѣ находится множество рукописей на полотнѣ и шелковой матеріи.

ГЛАВА II.

Исторія Жамесъ Кистона.

Кто бы ты ни былъ, естль пороки или злодѣянїя не ожесточили души твоей; естль нещастїе имѣетъ право на твое сердце: то читай описанїе моихъ бѣдствїй, и пролей слезу въ память мою, узнавъ приключенїя, которыя ввергнули меня въ эту ужасную пещицу, 19 Ноября, 1521 года, когда мнѣ было двадцать одинъ годъ отъ роду.

Вилліамъ Кистонъ, опецъ мой, происходившїй отъ знапной фамиліи, которая доведена была до бѣдности разными нещастїями, былъ управителемъ у Лорда Чапама. Доброй мой родителъ ничего не щадилъ для

моего воспитанія. Небольшой свой доходъ платилъ онъ за меня въ лучшія училища. Какъ прилежаніе мое опвѣчало его попеченіямъ, то на осьмнадцатомъ году кончилъ я свои науки. Думая, что я могу пособлять ему въ дѣлахъ, оставилъ онъ меня при себѣ. Ахъ! онъ не предвидѣлъ, что сдѣлаетъ меня несчастливымъ и приведетъ ко гробу.

Лордъ Чашамъ былъ вдовецъ и имѣлъ единственную дочь, которую звали Шарлотой. Ей было около двадцати лѣтъ, когда я возвратился въ замокъ, въ которомъ не былъ восемь лѣтъ.

Отецъ мой представилъ меня немедленно Лорду. Холодной его видъ и непріятный голосъ мнѣ очень не понравились; онъ говорилъ мнѣ, чтобъ я спа-

рался подражать въ дѣятельности и усердіи своему отцу, дабы я могъ со временемъ занять его мѣсто. Онъ дѣлалъ мнѣ припомъ самыя благоразумныя наставленія, но такимъ надменнымъ и сухимъ тономъ, что они совсѣмъ не доходили до моего сердца.

Онъ Лорда Чапама пошли мы къ Миссъ Шарлотѣ. Ахъ! какая разница между отцемъ и дочерью! Пріятность и кротость изображались на лицѣ Шарлоты; ея привѣтствія и вѣжливость плѣняли сердце; милая улыбка умножала красоту ея. Столько прелестней, думалъ я, не могутъ быть соединены съ дурною душою; въ самомъ дѣлѣ это была сама добродѣтель въ видѣ Богини красоты.

Восхищенный Шарлотой, я чувствовалъ, что мрачное об-

лако помрачило глаза мои: любовь одѣла ихъ своимъ покровомъ; сердце мое стѣснилось, ноги подломились, и я упалъ въ объятія своего отца. Пришедъ въ себя, увидѣлъ я, что Шарлотта перла мнѣ виски; грудь ея поднималась, и живая краска покрывала лице ея; на глазахъ у нее навернулись слезы; дрожащею рукою подавала она мнѣ спиртъ, которой по невольному движенію поднесъ я къ губамъ. Шарлотта, думая, что я хочу выпить, удержала меня, и я осмѣлился поцѣловать ея руку. Она содрогнулась; однако нѣжнымъ взоромъ своимъ, казалось, простила мою дерзость. Ахъ! мы были поражены однимъ ударомъ: любовь воспламенила наши сердца, и взоры наши по подтверждали. Отецъ мой не подозрѣвалъ причины

моего обморока. О, естли бы сердце его не охладѣло отъ спароспи, онѣ бы вѣрно ее понялъ; но что я говорю? онѣ раздѣлялъ бы мое замѣшательство; онѣ не могъ бы видѣть равнодушно Шарлоты — конечно, когда бы онѣ не былъ мнѣ опцемъ, то былъ бы моимъ соперникомъ. Думая, что смятеніе Миссъ Шарлоты происходило отъ участія, которое она во мнѣ принимала, благодарилъ онѣ ее; я проболталъ также нѣсколько словъ, отдавая ей скляночку. Оставьте ее у себя, говорила она: можетъ быть она вамъ еще понадобится. Конечно, Жамесъ, сказалъ опемъ мой, когда Миссъ позволяеть это, то оставь у себя скляночку; я принесу ее, какъ скоро.. Нѣтъ, прервала Шарлота: пусть она останеться навсегда у

Жамеса; ибо, можетъ быть, онъ подверженъ такимъ обморокамъ. Это случилось еще въ первой разъ, сказалъ я; но онъ такъ сильно на меня подѣйствовалъ, что я боюсь слѣдствій его въ продолженіе моей жизни. Послѣ сихъ словъ мы разстались. Я взглянулъ на Шарлоту, и увидѣлъ, что любовь блистала въ глазахъ ея.

Очаровательной этою взглядъ привелъ меня въ восхищеніе; но когда я разстался съ Шарлотою, то не смѣлъ вѣрить своему счастью. Мрачное отчаяніе мною овладѣло и силы мои меня оставили; я съ трудомъ могъ опойти отъ ея комнаты. Не видя ее, я, такъ сказать, пересталъ уже жить; я посвятилъ ей свое сердце вмѣстѣ съ жизнію.

Съ трудомъ могъ я дойти до комнаты отца своего, которой меня поддерживалъ, и какъ скоро вошелъ въ нее, то легъ въ постель. Съ какимъ живымъ чувствомъ прижималъ я къ своему сердцу Шарлотину сляночку; ослѣпленный любовью, я мечталъ, что это была она сама: я говорилъ съ нею, покрывалъ ее пламенными поцѣлуями; кровь моя была въ волненіи и я наслаждался блаженствомъ. Но сладостное это упоеніе было вскорѣ оправлено самыми мрачными мыслями.

Величайшая разность, которую судьба поставила между мною и Шарлотою, жестоко меня оскорбляла. Я представлялъ себѣ честолюбивые виды надменнаго отца въ разсужденіи замужства единственной дочери, наследницы великаго

имѣнія; обратилъ глаза на свое состояніе, на состояніе моего отца, и видѣлъ, что благополучіе Шарлоты будетъ пожертвовано суешной гордости.

Бросивъ съ ужасомъ взоръ на бездну, въ которую влекла меня любовь; я видѣлъ, что вокругъ нее росли цвѣпы; но что несчастіе ожидало меня на днѣ пропасти, и въ будущемъ мнѣ не представилось ничего, кромѣ отчаянія и смерти. Приведенный въ прелесть сею картиною, я принялъ намѣреніе оставить навсегда опасное это жилище. Но бѣжать Шарлоты!... Ахъ! легче было разсказать съ жизнію; я чувствовалъ, что не могу уже безъ нее жить; я хотѣлъ ее видѣть, открыть ей свою любовь и умереть у ногъ ея: другимъ щастіемъ я не ласкался.. Есть-

ли ты когда нибудь любилъ ;
 естли ты не осквернилъ имя
 любви , принимая заблужденіе
 чувствъ твоихъ за сей священ-
 ной пламень : то скорби о му-
 ченіяхъ , которыя претерпѣлъ
 я въ эту ужасную ночь . Топѣ ,
 кпо знаешь любовь , можетъ
 себѣ это представитъ ; но опи-
 сать этого невозможно . Упо-
 пая въ слезахъ въ продолженіе
 сей бѣдственной ночи , я непре-
 станно представлялъ себѣ пре-
 лести Шарлоты , упоевался лю-
 бовію и чувствовалъ смертель-
 ное спраданіе . Какъ скоро я
 вспоминалъ , что долженъ спа-
 витъ эту божественную дѣви-
 цу , то приходилъ въ изступле-
 ніе — казалось , что сердце мое
 вылетало и спремилось къ во-
 спламенившему его предмету .
 Безпрерывные вздохи тѣснили
 грудь мою , и приходя въ себя ,

я живѣе чувствовалъ горестное свое положеніе.

Старая пожирающимъ меня пламенемъ, я одѣлся на разсвѣтѣ, и влекомый горестію пошелъ въ садъ, надѣясь, что тихое утро меня нѣсколько успокоитъ. Погруженной въ сама мя мрачныя мысли, я сѣлъ подъ кипарисомъ, коюрой освѣнялъ меня меланхолическими своими вѣтвями. Тамъ забылъ я на время горесть свою въ обѣятіяхъ сна, коюрой убѣгалъ меня ночью.

Прелестная мечта представляла мнѣ Шарлотту, какъ вдругъ пробудясь услышалъ я тяжелой вздохъ. Сначала я думалъ, что это мнѣ послышалось и происходило единственно отъ волненія моихъ чувствъ; но вскорѣ потомъ услышалъ рыданія въ ближней бесѣдкѣ. Же-

лая узнать кто был нещасливый, угнетаемый рокомъ, я пошелъ шихонько къ бесѣдкѣ— Боже мой, что я увидѣлъ?.. Миссѣ Шарлота сидѣла на деревянной скамьѣ и одною рукою закрывала глаза свои, изъ которыхъ капилась слезы на грудь ея. Ахъ! драгоценныя эти слезы терзали мое сердце. Шарлота чувствуетъ горестъ, думалъ я; и такъ буду стараться ее утѣшить, и если не могу облегчить скорби ея, то по крайней мѣрѣ буду имѣть щастіе вмѣстѣ съ нею плакать.

Я хотѣлъ подойти къ Миссѣ Шарлотѣ, какъ вдругъ услышалъ слѣдующія слова, прерываемыя рыданіемъ: „прости мнѣ, отецъ мой!.. я чувствую, что рокъ судилъ мнѣ его любить... за чѣмъ я его увидѣ-

ла! . . . Ахъ, Жамесъ, Жамесъ! . . .
сердце мое принадлежитъ те-
бѣ на вѣки! . . . “

Упоенный любовію и восхи-
щеніемъ, я бѣгу и бросаюсь къ
н гамъ Шарлоты: она выходитъ
изъ своего забвенія, видитъ ме-
ня на колѣняхъ, вскрикиваетъ
отъ удивленія и упадаетъ въ
обморокъ въ мои объятія. Устра-
шенный смертною блѣдностію,
которая заступила живой
цвѣтъ лица ея, я старался при-
весить ее въ чувство; наконецъ
она опомнилась. .

Въ эпозѣ мѣстѣ рукописи,
которую сирѣ Карлъ читалъ,
слова стерлись.

Шесть мѣсяцовъ наслажда-
лись мы чистѣйшею любовію,
говорили объ ней ежедневно. и
эпо составляло для насъ верь-
ховное блаженство. Я чувство-
валъ, что оно не можетъ быть

продолжительно, и, не взирая на свое благополучіе, былъ терзаемъ какимъ-то печальнымъ предчувствіемъ, которое сдѣла меня меланхоликомъ. Почтенной родитель мой примѣтилъ это и старался нѣсколько разъ узнать причину моей горести. Не имѣвъ однако успѣха, онъ безпрестанно старался доставить мнѣ развлеченіе.

Дѣла Милорда Чапама требовали, чтобъ человекъ, сполнающій его довѣренности, поѣхалъ въ Францію; отецъ мой надеясь разсѣять печаль мою этимъ путешествіемъ, предложилъ Милорду послать меня; на что онъ охотно согласился. И такъ не сказавъ мнѣ ни слова, приготовилъ онъ все къ моему отъѣзду.

Я узналъ объ этомъ на канунъ того дня, въ которой дол-

женѣ былъ разстаться съ Шарлоттой. Громовой ударъ, упавшій у ногъ моихъ, не такъ бы успрашилъ. меня, какъ это ужасное извѣстіе: услышаеъ его, я окаменѣлъ. Чпо это значитъ, сказалъ мнѣ отецъ мой, увидѣвъ мое смяшеніе; мнѣ кажется, что путешествіе это тебѣ не пріятно? — Признаюсь вамъ, батюшка, что оно меня удивляетъ.—Я думаю, что оно тебѣ огорчаетъ. — Батюшка! . . . Конечно, глубокая горестъ видна на лицѣ швоемъ — Я не роленъ въ первомъ движеніи. — Но что же значитъ это смущеніе? — Сожалѣніе васъ оставитъ. — Меня оставитъ? — Такъ, батюшка. — Жамесъ! ты имѣешь душевныя скорби и скрываешь ихъ отъ отца своего — Вы можете думать — Я въ помѣ увѣ-

ренъ, и это мнѣ очень непри-
ятно. Какъ, сынъ мой, ты не
хочешь ввѣрить горести своей
старому своему другу? Ахъ! я
думалъ, что болѣе заслужилъ
твоей довѣренности, и... По-
стойте, бабюшка! это тѣ же-
сткой упрекъ раздираетъ мое
сердце, но ради Бога, не спра-
шивайте меня!—Не уже ли ты
можешь краснѣть, открывая
мнѣ свою тайну? — Никогда;
напротивъ я горжусь тѣмъ,
что скрываю ее въ моемъ серд-
цѣ... Боже! какое признаніе
вырвалось было изъ устъ мо-
ихъ!—Ты меня не любишь, сынъ
мой! — Ахъ! я васъ люблю,
такъ какъ... и почитаю. — И
такъ будь довѣрчивѣе; не уже ли
ты будешь такъ жестокъ, что
допустишь незнакомому чело-
вѣку опередить твои слезы!
Излей горестъ свою въ сердце

лучшаго своего друга. Да и кто скорбе облетчитъ скорбь молодого человѣка; кто удобнѣе научитъ его исправить прощупки свои, какъ не тотъ, кто произвелъ его на свѣтъ и образовалъ его сердце? Говори, Жамесъ, другъ мой, сынъ мой! еслили ты виновенъ, то не опасайся мнѣ признаться: подумай, что въ душѣ твоей, кто любитъ нѣжно своего сына, прощенье всегда предшествуетъ прощупку. Ты вздыхаешь, ты пронупъ.. ахъ, Жамесъ, Жамесъ! открой мнѣ сердце свое!—И такъ, бабюшка, знайте.... — Говори, любезной другъ мой! Сердце мое пламеннѣею сильнѣйшею любовію... образъ Шарлоты.. — Нецасный! что ты сказалъ... — При сихъ словахъ почтенной шарикъ закрылъ руками лице

свое. „Ахъ, Жамесъ! вскричалъ онъ, сколько бѣдъ свѣйго поповишь ты намъ обѣимъ!“ — Не обвиняйте меня, батюшка, но жалѣйте обо мнѣ: жестокая эта страсть овладѣла мною совершенно: ахъ! сколько мученій претерпѣлъ я съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ... — Другъ мой! разлука есть единственнѣйшій способъ къ излѣченію. Спиши уѣхать; еслии разсудокъ имѣеши еще надъ собою и некоторую власть, то побѣждай нынѣшній же вечеръ. — Я немедленно буду повиноваться вашему приказанію.

Угнетенной горестію, я спѣшилъ сдѣлать нужныя пріуготовленія къ путешествію и рѣшился уѣхать, не простясь съ Шарлотою. Но любовь смѣялась надъ моимъ предпріятіемъ, и послѣ обѣда она приве-

да меня въ бесѣдку, гдѣ я повторялъ ежедневно Шарлотѣ клятву обождать ее до гроба. Сія нѣжная любовница ожидала уже меня съ неперпѣніемъ.

Она не знала еще ничего объ моемъ отвѣздѣ. Извѣстіе это раздирало ея сердце; я хотѣлъ проститься съ нею навсегда, но не могъ пропову-снотать ея слезамъ: и вмѣсто того, чтобъ опказаться другъ ошъ друга, мы искали средства завести переписку: любовь внушила намъ его. Не хотѣвъ никому вѣришь нашу тайну, мы условились, что во время пребыванія моего во Франціи, куда я ѣхалъ по дѣламъ Милорда Чапмана, я буду адресовать свои письма въ нему прямо, и что внутри конверта буду писать лимоннымъ сокомъ въ Шарлотѣ. Въ почтовой день она

должна находиться у него въ комнатѣ, и въ то время, какъ онъ будетъ распечатывать письма, спараться взять скорѣе пакетъ, съечь его оспорожно, и на згорѣлой бумагѣ читать выраженія моей любви и вѣрности.

Я не смѣлъ просить Шарлотту, чтобъ она также ко мнѣ писала; но упоенной радостивою мыслію, что во время моего отсутствія буду сообщать ей свои чувства, я забылъ, что долженъ съ нею разстаться, какъ вдругъ услышалъ, что кто то идетъ. Я успѣлъ только прижать Шарлотту въ своему сердцу, какъ увидѣлъ моего отца. Я бы не такъ много смѣшался, когда бы вошелъ Милордъ Чаттамъ; я предсказывалъ себѣ упрёки, которые онъ имѣлъ право мнѣ сдѣлать за неуваженіе

благоразумныхъ его совѣтовъ. Все готово, сказалъ онъ мнѣ спрогимъ голосомъ, и тебѣ бы должно уже уѣхать! — Терзаемый разными чувствами, я не смѣлъ отвѣчать ему ни слова, ни даже глядѣть на него. Пойдемъ, говорилъ онъ, пошавъ меня за руку, и я трепеталъ отъ страха быть съ нимъ одинъ: однако, казалось, что Шарлота угадала причину моего смущенія, и пошла за нами тихими шагами. Я видѣлъ въ глазахъ моего отца неудовольсвие, производимое присупсвиемъ Шарлоты; онъ старался нѣсколько разъ принудить ее оставить насъ; но никакъ не могъ въ томъ успѣть. Она слѣдовала за нами до пагубной варелы, видѣла, какъ я прощался съ своимъ отцемъ, и между тѣмъ, какъ я обнималъ ее

го почтеннаго спарика, взоры мои изъясняли ей мою спраспть и сожалѣнїе. Въ глазахъ ея написано было то же.

Должно испытапть любовь, чтобъ судить о горести, копорую я чувспвовалъ разспавшись съ Шарлотою: полько черезъ нѣсколькo часовъ облегчилъ я сердце свое слезами и ласкалъ себя надеждою скоро кончить дѣла Милорда и увидѣть опяпть безцѣнную дочь его. Душевное спраданїе мое умножилось, когда я сѣлъ на пакетъботъ; пока я былъ еще въ Англии, то утѣщался шѣмъ, что дышу однимъ воздухомъ съ Шарлотою; но мнѣ казалось, что небольшой переходъ черезъ каналъ былъ безмѣрнымъ разспоянїемъ. Франція была для меня новымъ свѣтомъ, или пущинею, гдѣ напрасно искалъ

я предмета, которой привазы-
валъ меня къ жизни.

Преврасныя мѣстоположенія
Франціи, пріятность ея кли-
мата, любезность жителей, ни-
что не могло меня развлечь;
предавшись чувству, которое
мною овладѣло, я смотрѣлъ на
все равнодушно. Занимаясь всег-
да Шарлотою, я безпрестанно
видѣлъ ея образъ, наслаждался
только тогда, когда обѣ ей
думалъ, и моя ограда состо-
яла только въ томъ, чтобъ пи-
сать къ ней, какъ мы услови-
лись. Я каждой почтовой день
увѣдомлялъ Милорда обѣ успѣ-
хахъ его дѣлъ, описывалъ все
подробно, и каждой разъ полу-
чалъ отъ него благодарность
за мою рачительность. Ахъ!
какъ былъ я однажды обрадо-
ванъ, когда въ концѣ Милордо-
ва письма увидѣлъ слѣдующія

слова, написанныя другою рукою:—, бапюшка поручилъ мнѣ запечатать письмо, и я могу сказать тебѣ, что Шарлопа...,, видно она не успѣла написать болѣе; но сердце мое угадало остальное, и восхищеніе его равнялось съ любовью, которою оно пылало.

Наконецъ я кончилъ дѣла Милорда Чаппама и, послѣ трехъ мѣсячнаго отсутствія, возвратился въ свое отечество, взявъ карету, которую оставилъ я въ одномъ трактирѣ, и ни мало не мѣшкавъ, отправился въ замокъ. Чѣмъ ближе я подвѣзжалъ, тѣмъ болѣе нетерпѣніе мое умножалось; дорога казалась мнѣ чрезвычайно долгою. Однако вскорѣ я прибылъ въ замокъ и тотчасъ пошелъ къ Милорду отдать ему отчетъ въ порученномъ дѣлѣ. Миссъ

Шарлота была у него въ комнатѣ; блѣдность и изнеможение были написаны на лицѣ ея. При неожиданномъ моемъ входѣ она оживилась; радость блеснула въ глазахъ ея; она старалась скрыть ее отъ своего отца; но сердце мое раздвѣляло ея чувства.

Мнѣ не возможно было къ ней подойти въ присутствіи Милорда: и какъ наступила уже ночь, то я не надѣялся видѣть ее и въ саду. Милордъ, поблагодаривъ меня за посѣщеніе, съ которою я кончилъ дѣла его, совѣтовалъ мнѣ идти отдохнуть. Завтра разсмотримъ мы дѣла свои, сказалъ онъ мнѣ; прощай до завтраго. Я вышелъ, и взоры Миссъ Шарлоты, казалось, говорили мнѣ: „до завтраго.“

Хопя мнѣ было очень прискорбно, что не удалось поговорить съ Шарлопою, однако я утѣшался тѣмъ, что ее видѣлъ, и что она еще меня любитъ. Я пошелъ къ своему опцу, которой еще не зналъ о моемъ прїѣздѣ, и удивленіе его равнялось съ удовольствіемъ. Въ продолженіе вечера ласки его изгладили изъ моей памяти любовныя непріятности. Я ожидалъ, что онъ станетъ говорить мнѣ о Шарлотѣ, но ошибся; въ разговорахъ своихъ онъ убѣгалъ всего того, что могло мнѣ о ней напомнить. Не взирая на то, она была безпреспанно въ моемъ воображеніи и мнѣ крайне хотѣлось чтонибудь о ней услышать; нѣсколько разъ хотѣлъ я объ ней спросить; но слова замирали на устахъ моихъ. Казалось,

что отецъ мой не примѣчалъ волненія чувствъ моихъ, хотя и угадывалъ мое желаніе; онъ хотѣлъ погасить любовь мою, но только болѣе раздражалъ ее. Онъ заставилъ меня рассказывать путешествіе мое во Францію, и спрашивалъ всѣ подробности; часто я въ разговоръ моемъ упоминалъ Милорда, и готовъ былъ произнести имя Миссъ Шарлоты; но онъ не допускалъ меня до того. Я всячески старался заговорить объ этомъ миломъ предметѣ; но онъ умѣлъ каждой разѣ мнѣ въ томъ воспрепятствовать; наконецъ я оставилъ его, не исполнивъ своего желанія.

Восхищенный тѣмъ, что возвратился въ мѣста, обитаемые Шарлотою, и разстроенный насиліемъ, которое дѣлалъ своимъ чувствамъ, не могъ я

заснуть. Кровь моя волновалась; я вздыхалъ и плакалъ. Ахъ! какъ много оскорбляло меня то, что будучи такъ близко подлѣ той, которую обожалъ, не могъ я ей выразить, что сердце мое пылало къ ней любовію болѣе, нежели когда нибудь. Потомъ думалъ я, что завтра увижусь съ Шарлотою въ саду; надежда сія меня оживляла; я счѣталъ часы и минуты, и мнѣ казалось, что они шли слишкомъ медленно.

Однако приближеніе сего щасливаго времени начинало меня успокоивать, какъ вдругъ услышалъ я пронизательной крикъ; я бросился къ окошку и узналъ, что шумъ происходилъ на другой сторонѣ замка. Одѣвшись поспѣшно, я немедленно выбѣжалъ, пробѣжалъ два двора и какое ужа-

сное зрѣлище мнѣ представилось! . . . Огонь пожиралъ флигель замка, въ кошпоромѣ жила Шарлопа; пламень вырывался изъ оконъ ея комнапы. Въ опчаяніи схватилъ я длинную лѣспницу, приставилъ ее къ окошку и влезъ въ него тогда, какъ пополокъ начиналъ уже валипсья. Миссъ Шарлопа была окружена горящими опломками; она просила моей помощи и протягивала ко мнѣ руки. Слѣдуя своему испуленію, я хотѣлъ погибнуть съ нею, и бросился къ ней въ пламень.

Сиръ Карлъ остановился на эпомѣ мѣстѣ; услышавъ шумъ въ коридорѣ, онъ немедленно свернулъ сукно и бросилъ его на верхъ своей кровати.

Г Л А В А III.

Едза успѣлъ Сирѣ Карлѣ спря-
тать рукопись Кистона, какъ
служители замка опперли дверь
и подали ему заѣтракъ. Не взи-
рая на свою предосторожность,
онѣ опасался, что ѣд они не
увидѣли сукна, или не примѣ-
пили бы какой перемѣны въ
каршинѣ, закрывающей пошай-
ную дверь. Однако страхъ его
исчезъ, когда онѣ увидѣлъ, что
никто объ этомъ и не думалъ;
наконецъ, успокоясь совершен-
но, онѣ просилъ позволенія иш-
ти въ садъ, въ чемъ ему не
было отказано.

Сирѣ Карлѣ пошелъ гулять
съ шѣмъ намѣреніемъ, что ѣд
разсмотрѣть со вниманіемъ оп-
верстіе подземелья, черезъ ко-
торое онѣ влѣзалъ въ колодезь,

и почно узнать, можно ли было оштуда выпши. Пошедъ къ нему, онъ съ прискорбіемъ увидѣлъ, что затрудненіе было гораздо болѣе, нежели онъ думалъ; стѣны колодезя были изъ твердой, бѣлой земли, въ которую никакъ нельзя было воткнуть кольевъ. Видя невозможность уйти черезъ это мѣсто, онъ рѣшился исполнить предпріятіе, которое имѣлъ наканунѣ, то есть, чтобъ напасъ на своихъ надзирашелей и перелѣзти черезъ стѣну; онъ пошелъ къ мѣсту, замѣченному имъ въ прежнюю прогулку. Между стѣмъ вспомнилъ онъ объ исторіи Киспона, и жалѣлъ, что не дочиталъ ее; но не взирая на любопытство свое, не хотѣлъ опекладывать исполненія своего предпріятія; сверхъ того онъ рѣшился возвратишь-

ся непремѣнно въ замокъ, чтобъ избавить несчастную, которой вопли шакъ сильно его тронули.

Лаская себя надеждою быть скоро на свободѣ, Сиръ Карлъ едва могъ скрывать свою радость. Онъ веселился мыслию, что можетъ быть скоро увидитъ Женни и Кайяпана; ибо онъ не подозрѣвалъ уже Гюшнера. и хотя не имѣлъ почныхъ доказательствъ, однако былъ увѣренъ, что другъ его не могъ быть его гонимелемъ.

Сиръ Карлъ шелъ очень тихо, дабы не возбудить подозрѣннй въ своихъ надзирателяхъ; онъ намѣренъ былъ удвоить шаги свои, когда увидитъ лежащее дерево, чтобъ имѣть время опломить сукъ, прежде нежели надзиратели могли ему въ помѣхъ воспрепятствоватьъ.

Онъ проходилъ мимо бесѣдки, сілешенной изъ густыхъ деревъ, въ которой ничего нельзя было видѣть, какъ вдругъ услышалъ голосъ, вскричавшій съ нѣжностію: „Боже мой, это онъ! — Удивленный Сиръ Карлъ остано­вился, голосъ этотъ казался ему знакомъ. Увѣр­ясь, что онъ выходилъ изъ бесѣдки, онъ бросае­ся въ нее сквозь кусты, ее окружавшіе, и дѣ­лаетъ себѣ проходъ; но надзиратели подбѣга­ютъ и удерживаютъ его. Рѣшась воспользо­ваться симъ случаемъ, чтобъ уй­ти, онъ оппалкиваетъ ихъ и вырывается; но они опять скоро его догоняютъ; тогда поваливъ одного изъ нихъ, онъ былъ готовъ задушить его, какъ другой вынимаетъ кин­жалъ и грозитъ имъ Сиръ Кар­ду. Несчастной молодой чело-

вѣкъ подверженъ неизбежной гибели, естли будетъ еще обороняться: онъ не спрaшился смерти; однако всѣ ушлія его тщетны; человекъ, котораго онъ повалилъ, воспользовался его нерѣшимостію и немедленно вскочивъ, напалъ на него съ своимъ товарищемъ; Сиръ Карлъ былъ принужденъ уступить силѣ. Онъ глядѣлъ съ прискорбіемъ на бесѣдку, жалѣя, что не могъ узнать, чьи слова пронули такъ сильно его сердце? Сей таинственной голосъ ввергнулъ его снова въ неволю; однако онъ утѣшался тѣмъ, что есть по крайней мѣрѣ человекъ, которой беретъ въ немъ участіе. Ахъ, за чѣмъ Сиръ Карлъ лишенъ удовольствія узнать того, кто сожалѣлъ объ его несчастіи? Но между тѣмъ его повели въ за-

мокъ и заперли опять въ его горницу.

Потерявъ надежду возвра-
тити свободу, и полагая, что
если ему и позволятъ гулять
въ саду, то присмотрѣ будетъ
уже гораздо строже, онъ пре-
дался горестному чувству; оп-
чаяніе имъ овладѣло; ибо онъ
не видѣлъ конца своимъ бѣд-
ствіямъ: ему оставалась одна
надежда уйти въ отверстіе
подземелья; но затрудненіе бы-
ло такъ велико, что и это ка-
залось невозможнымъ.

Вдругъ раздается шумъ въ
замкѣ и извлекаетъ Сиръ Кар-
ла изъ мрачныхъ его мыслей.
Онъ подходитъ къ окошку и
видитъ множество людей, раз-
сѣянныхъ по саду: казалось, что
они искали чего по съ великимъ
вниманіемъ. Но кто же были эти
люди, одѣтые въ одинакое

плащѣ и закрытые одинакими покрывалами? Однообразная ихъ одежда похожа на монашескую; можетъ быть молчаніе ихъ есть слѣдствіе строгаго предписанія. Но можно ли, чтобъ Сиръ Карлъ былъ въ монастырѣ? За чѣмъ его сюда привезъ и держать въ заключеніи? чего отъ него хопятъ? Какая будетъ развяска сего спраннаго и непонятнаго приключенія?

Размышляя такимъ образомъ, Сиръ Карлъ не отходилъ отъ окошка: онъ видѣлъ, что эти люди осматривали всѣ кусты и бесѣдки, и полагалъ, что они искали того человѣка, которой произнесъ его имя. Розыскы ихъ были продолжительны, однако они никого не нашли. Наконецъ они соединились на открытомъ мѣстѣ и спали рядомъ передъ человѣкомъ, одѣтымъ также,

какъ и они, но къ которому они оказывали величайшее почтеніе. Человѣкъ сей, казавшійся чхв начальникомъ, началъ ихъ осматривать всѣхъ по порядку; приподнималъ у каждаго поврывало и пересмотрѣлъ всѣхъ безъ исключенія. Послѣ того они разошлись, и какъ въ саду, такъ и въ замкѣ все утихло.

Послѣ обѣда Сирѣ Карлъ хотѣлъ продолжать чтеніе Кристоновой исторіи; но опасался, чѣмъ не вошли нечаянно въ его комнату. Сверхъ того онъ безпрестанно слышалъ г л у х о й шумъ, которой его очень беспокоилъ: ибо онъ не могъ узнатьъ онъ чего онъ происходилъ? Цѣлой день провелъ онъ въ крайнемъ смущеніи и полагая, что приключеніе его въ саду сдѣлаетъ какую нибудь переменну въ его положеніи,

рѣшился употребить всѣ способы, чтобъ уйти въ потѣ же вечерѣ. Какъ скоро онъ опузжалъ, то отворилъ дверь, находящуюся за портретомъ Ланцелотта, и, принявъ твердое намѣреніе не возвращаться въ свое започеніе, какъ вспомнилъ о Киспоновой исторіи. Желая взять съ собою сію любопытную рукопись, онъ раздѣлся, сложилъ сукно въ нѣсколько разъ, обернулъ его около шѣи и снова одѣлся; попомѣ взялъ спулъ, изъ котораго хотѣлъ сдѣлать колья, чтобъ посредствомъ ихъ легче вылѣзть изъ отверстія въ подземелье, и съ лампадою въ рукахъ пошелъ по лѣспницѣ. Не едва сошелъ спупеней двадцать, какъ узналъ причину глухаго шума, которойцѣлой день слышалъ: дверь внизу лѣспницы была закладена

кирпичною стѣною. Какъ описать опчаяніе Сирѣ Карла? ему не оставалось уже средства къ избавленію. Опломкомъ стула старался онъ пробить стѣну, и съ великимъ прудомъ выбилъ нѣсколько кирпичей, но позади стѣны увидѣлъ желѣзную дверь, противъ которой всѣ усилія его были тщетны: несчастный Сирѣ Карлъ, лишенный надежды, возвратился въ свое започеніе. Едва успѣлъ онъ прикрѣпить по прежнему карпінку, какъ дверь въ его комнату отворилась; двенадцать человѣкъ, у которыхъ на лицахъ были покрывала, вошли съ факелами и сдѣлали ему знакъ за ними слѣдовать. Они повели его черезъ длинныя галлерей, и вошедъ въ стѣни, остановились передъ запершою дверью, гдѣ стояли

около четверти часа въ глубокомъ молчаніи. Вдругъ дверь опворилась, и его ввели въ обширную залу, обитую чернымъ сукномъ и освѣщенную лампадами, закрытыми чернымъ крепомъ. Слабой ихъ свѣтъ умножалъ ужасъ сего мѣста. Сиръ Карлъ былъ въ изумленіи; но сохраняя свое хладнокровіе, увидѣлъ въ концѣ залы великолѣпную гробницу изъ чернаго мрамора. Передъ нею стояли кресла древней фигуры, и черная занавѣска, копорою они были завѣшены, мѣшала видѣть, что на нихъ находилось; рѣшетка отдѣляла гробницу и кресла, и къ ней былъ только небольшой проходъ, охраняемый двумя арапами съ сверкающими мечами.

Надзиратели Сиръ Карла посадили его противъ рѣшетки

и немедленно вышли: онъ думалъ, что остался одинъ съ арапами, какъ вдругъ грозной голосъ, который, казалось, выходилъ изъ гробницы, сказалъ ему: „что думаешь ты, Сиръ Карлъ, о томъ, что тебя окружаешь?“, — Ничего, отвѣчалъ онъ хладнокровно. — „Не ужели оно не возбуждаетъ въ тебѣ никакой идеи? — Никакой; естли хотяпъ лишитъ меня жизни, то этъ приуготовленія не нужны; естли же хотяпъ меня пугать, то шѣмъ болѣе онъ бесполезны, и я говорю смѣло, что ни мученія, ни самая смерть меня не поколебляпъ. Хорошо, молодой человекъ, я и не ожидалъ менѣе отъ своего мужества; естли бы я въ тебѣ сомнѣвался, то выборъ мой не палъ бы на тебя: но оставимъ это; теперь отпѣчай мнѣ. —

Говори, я тебя слушаю. — Можешь ли ты узнать голос, который въ саду вскричалъ: Боже мой! это онъ! — Не знаю. — Я требую отъ тебя, что если ты его узнаешь между людьми, которые услышишь, то скажи мнѣ немедленно. —

Съ самаго начала разговора, Сиръ Карлъ спарался узнать, подлинно ли говорящій ему голосъ выходилъ изъ гробницы; но по окончаніи его онъ узналъ, что кресла за черною занавѣскою скрывали человека, который ударилъ въ ладоши. Дверь, куда вошелъ Сиръ Карлъ, вдругъ опворилась, и онъ увидѣлъ множество людей, одѣтыхъ спраннымъ образомъ, которые проходили мимо его и говорили одинъ послѣ другаго: Боже мой, это онъ! Онъ поспѣшь узналъ голосъ, который слышалъ въ

саду, но никакъ не хотѣлъ того сказать, опасаясь сдѣлать вредъ человѣку, бравшему въ немъ участіе. Сверхъ того голосъ сей казался ему давно уже знакомъ и онъ старался вспомнить, гдѣ его слышалъ. И такъ рѣшась твердо все это скрыть, онъ отвѣчалъ, что не узналъ его. Тогда допроцивъ Сиб Карла сдѣлалъ знакъ: всѣ вышли, кромѣ двухъ Негровъ; послѣ сего онъ сказалъ несчастному плѣннику: „все, что ты ни видишь въ этомъ замкѣ, для тебя не опасно, если ты будешь повиноваться повелѣніямъ, которыя дадутъ тебѣ: но оно предвѣщаетъ твою смерть, когда ты будешь ослушенъ. „Я не знаю, чего отъ меня хотятъ; но знай, что угрозы свои для меня не страшны, и что я не сдѣлаю ничего противнаго спра-

ведливости и чести. — Я того и мало отъ тебя и пре-
 бую.. Послушай, гробница эта
 заключаетъ молодую особу, при-
 несенную въ жертву гнусной
 злобѣ, во цвѣтѣ лѣтъ ея: го-
 нитель ея живетъ еще и зло-
 дѣяніе его не наказано; но мечъ
 мщенія виситъ надъ нимъ и
 ты избранъ пронзить сердце
 сего изверга! „ — Боже мой,
 чпо я слышу! — Спѣши по-
 разишь его; это есть един-
 ственное средство пайти тѣхъ,
 которые уже шесть мѣсяцевъ
 составляютъ единственной
 предметъ твоихъ розысковъ., —
 Какъ! . . . отецъ мой! . . . мать
 моя! — „Какъ скоро мщеніе бу-
 детъ исполнено, то ты будешь
 соединенъ навсегда съ своими
 родителями.“ — Если это пра-
 вда, то божусь тебѣ . . . Но ахъ!
 увлеченный сыновнею любовью

я совсѣмъ было забылъ: нѣтъ! знай, что ты не соблазнишь меня споль лестнымъ обѣщаніемъ моему сердцу! — Какъ! ты не рѣшаешься! — Нѣтъ! я рѣшился и не хочу купить убійствомъ щасліе видѣть моихъ родспвенниковъ: рука моя никогда не учинитъ злодѣянія. — Повинуйся, Сиръ Карлъ, и не заставь меня принудить себя къ послушанію. Подумай, что ты въ моей волѣ и безъ того никакъ не можешь быть свободенъ. — „Я уже сказалъ тебѣ, что ничего не страшусь; угрозы твои ни мало на меня не подѣйствуютъ, и ничто не можетъ меня поколебать.“ И такъ въ послѣдній разъ: согласенъ ли ты повиноваться? — Никакъ. Едва произнесъ Сиръ Карлъ сіе слово, какъ бывший съ нимъ человекъ ударилъ въ

колоколъ, отъ чего раздался въ залѣ унылой звукъ: дверь, находившаяся близъ гробницы, отворилась съ шумомъ и топчасъ вбѣжало нѣсколько людей, которые тащили за собою женщину въ обморокъ; это была Женни.. Узнавъ сестру свою, Сиръ Карлъ бросился къ ней на помощь; но арапы удержали его, приставя мечи къ груди его.

Хочешь ли ты, сказалъ топъ же человекъ Сиръ Карлу, исполнишь данное тебѣ повелѣнiе? — Нѣтъ, варваръ! отвѣчалъ онъ съ негодованiемъ. „И такъ по твоей волѣ прольется кровь невинной сестры твоей.“ — Топъ опускающъ Женни на полъ; мечи надъ нею сверкающъ и злодѣи ожидающъ только повелѣнiя, чтобы поразить ее. При семъ ужасномъ зрѣлищѣ Сиръ Карлъ

вскричалъ въ отчаяніи: постой, жеспокой! я жершвую всеѣмъ для спасенія жизни сесшры моей; для нее буду повиноватьсѣ безчеловѣчнымъ швоимъ требованіямъ. Подойди же ближе.— Арапы взяли Сиръ Карла за руки и подвели его къ кресламъ; припѣвенипель его говорилъ ему: клянись на этой гробницѣ жизни сесшры швоей исполнишь во всеѣмъ волю мою — Клянусь, сказалъ онъ содрогаясь. — Я принимаю швою кляшву, и сесшра швоя будешъ залогомъ ея исполненія? — Какъ, сесшра моя!.. Исполни то, что тебѣ предписано, и будь на щепѣ ея спокоенъ.

Тѣмъ злодѣй сдѣлалъ знакъ и Женни немедленно унесли, хотя она все еще была въ обморокѣ. Боже мой! вскричалъ Сиръ Карлъ, меня разлучаютъ

съ сестрой моею! — Какъ скоро ты исполнишь свою клятву, то она будетъ свободна., — Но кто та несчастная жертва, которую я долженъ поразить? — Возьми этотъ портретъ и по немъ узнаешь преступника! Гдѣ же долженъ я его искать? — Ищи его въ Шотландіи, гдѣ онъ скрывается. — Но въ какомъ же мѣстѣ самъ я нахожусь? Тебѣ этого знать не должно — По крайней мѣрѣ скажи мнѣ причину, по которой этотъ несчастной достоинъ смерти? „ Молодой человекъ! берегись пустаго любопытства; ты произнесъ клятву и долженъ ее исполнить.

Послѣ этого отворилась дверь; надзиратели Сиръ Карла вошли, и взявъ его подъ руки, опвели въ его комнату, гдѣ оставили опять одного.

Долго не могъ онъ прийти въ себя; кровь его была въ непрерывномъ волненіи; но наконецъ когда нѣсколько успокоился онъ, то множество идей представились его воображенію: вскорѣ онъ къ себѣ обратился на участь несчастной Женни. Какимъ образомъ находящаяся она во власти ширана, котораго Сиръ Каръ видѣлъ? Нѣжной братъ можетъ ее избвить; но жизнь ея будетъ стоить смертнубійства; за свободу ея онъ долженъ заплатить кровію невиннаго человека, которой можетъ быть невиненъ: а если ли пощадить его, то будетъ причиною смерти Женни. На чемъ бы онъ ни остановился, то все осматривается убійцею: и такъ можетъ ли онъ предпочесть ссиръ неизвѣстнаго человека? не должна ли была

сама природа назначить его выборъ? О, какъ раздиралось чувствительное сердце несчастнаго Сирѣ Карла сею первичностию; когда бы онъ могъ своею жизнью избавить сестру свою, то пожертвовалъ бы ею охотно; но можетъ быть смерть его только ускоритъ гибель Женни, не избавивъ жертвы, которую велѣно ему поразить. Если бы онъ могъ какъ нибудь уйти и достать оружіе, то онъ отважился бы на всѣ опасности, дошелъ бы до Женни и былъ бы, можетъ быть, довольно счастливъ, чтобъ освободить ее изъ рукъ ея притѣснителей; но онъ былъ одинъ и лишенъ всѣхъ средствъ къ исполненію сего предпріятія посреди множества злодѣевъ, преданныхъ его гонителю.

Смущенный сими печальны-

ми мыслями, Сирѣ Карлѣ ходилѣ по своей комнаѣ скорыми шагами, какѣ проходя мимо окошка увидѣлѣ нѣсколько людей въ саду; отворивѣ дверь и вышедѣ на балконѣ, разсмотрѣлѣ, что два человекѣ гуляли; одинѣ изъ нихѣ былѣ одѣтѣ по обыкновенію замка, а другой по-Англійски: они говорили съ жаромѣ, но Сирѣ Карлѣ не могѣ ничего разслушать. Наконецѣ, какѣ они повернулись въ другую алею, то при лунномѣ свѣтѣ увидѣлѣ онѣ лице послѣдняго, и узналѣ въ немѣ незнакомца, котораго сестра его нѣсколько разѣ пугалась. Удивляясь, что странной эпопѣ человекѣ находился въ тайнственномѣ замкѣ, онѣ вспомнилѣ, что онѣ былѣ тотѣ самой пассажирѣ, которой противилѣся отбѣзду корабля отъ острова, когда считали его съ

Гюпнеромъ погибшими въ гробѣ; онъ вспомнилъ также, что пассажиръ сей уѣхалъ на шлюпкѣ; которую Капитанъ послалъ на берегъ какъ нунъ входа своего въ Плимутскую гавань, и когда сесира съ пугалась, по Гюпнеръ былъ всегда очень хладнокровенъ и даже уверялъ, что ничего не видалъ.

Мысль эша подала Сиръ Карлу поводъ подумать, что Гюпнеръ имѣлъ съ симъ незнакомцемъ какія нибудь связи, которыхъ онъ прежде не воображалъ; и не взирая на дружбу его къ Капитану, онъ началъ подозрѣвать его. Чѣмъ болѣе размышлялъ, тѣмъ болѣе убѣждался въ своемъ подозрѣніи; ибо по видимому все служило тому доказательствомъ. Онъ очень зналъ, что Гюпнеровы матросы схватили его въ гавань.

ни, заперли въ сундукъ и привезли на судно, съ котораго онъ былъ высаженъ на неизвѣстную ему землю, гдѣ находился плѣнникомъ. Безъ сомнѣнія Гютнеръ измѣнилъ ему, чтобъ услужить тайнственному пирату, которой предписалъ ему безчеловѣчное повелѣнiе, и можетъ быть Женни должна была быть наградою подлаго поступка Капитана.

Между тѣмъ, какъ Сиръ Карлъ размышлялъ такимъ образомъ, пассажиръ и товарищъ его пошли въ замокъ; послѣ чего и онъ возвратился въ свою комнату. Едва успѣлъ онъ затворить балконную дверь, какъ вошелъ одинъ изъ его надзирателей. Чего еще хотятъ отъ меня? — сказалъ Сиръ Карлъ. Но вмѣсто отвѣта незнакомецъ сдѣлалъ ему знакъ, чтобъ

онъ молчалъ; и какъ Сиръ Карлъ хотѣлъ его еще спросить, то онъ приставилъ къ груди его пистолетъ. Онъ былъ приведенъ въ ужасъ нечаянною сею опасностію; тогда надзиратель его, не скрывая лица своего, бросился въ его объятія, прижималъ его къ сердцу и нѣсколько разъ тяжело вздохнулъ. Сиръ Карлъ не зналъ, что думать о сихъ знакахъ дружбы и угрозахъ, которые онъ дѣлалъ ему попеременно. Наконецъ странной эпитъ человекъ вынулъ изъ подъ полы такое же плащье, въ какое былъ самъ одѣтъ, сдѣлалъ ему знакъ надѣть его на себя и хранить молчаніе. Сиръ Карлъ повиновался, не понимая цѣли сего предложенія. Какъ скоро онъ надѣлъ плащье, то незнакомецъ накинулъ на него черное покрывало, обнялъ его

еще разъ, и пѣвторилъ знакъ не говорить ни слова. угрожая въ противномъ случаѣ смертію; потомъ взялъ его за руку, вывелъ изъ комнаты и заперъ дверь.

Знаки дружбы, которые онъ оказывалъ Сиръ Карлу, заставили думать сего послѣдняго, что онъ намѣренъ его избавить. Платье, въ которое онъ его одѣлъ, могло укрыть его отъ пронизательныхъ взоровъ служителей замка. Онъ думаетъ надеждою быть скоро на свободѣ; ибо проводникъ повелъ его въ садъ. Но за чѣмъ наблюдалъ онъ глубокое молчаніе; можетъ быть опасался, чтобъ Сиръ Карлъ его не узналъ; можетъ быть это самъ Гюшнеръ, которой, будучи перзасмъ совѣспію за оскорбленія, нанесенныя имъ своему другу, хочетъ загладить вину свою.

Ахъ! пусть онъ только во всемъ признается, пусть возвратитъ свободу Женни, и братъ ея все забудетъ.

Когда Сиръ Карлъ сошелъ внизъ по лѣстницѣ, находившейся подлѣ садовой двери, по проводникъ повелъ его въ узкой коридоръ, изъ котораго былъ ходъ въ ту самую залу, гдѣ за нѣсколько часовъ прежде видѣлъ онъ невинную Женни, готовую лишиться жизни. Войдя въ это жилище ужаса, гдѣ царствовала тишина и мрачность, Сиръ Карлъ потерялъ льстившую ему надежду, и опасался быть подверженъ новымъ жестокостямъ.

Лампада проводника его изливала слабый свѣтъ на стѣны, обитыя чернымъ, и Сиръ Карлъ слѣдуя за нимъ, подошелъ къ гробницѣ; ужасъ его умно-

жался на каждомъ шагу и онъ едва не лишился своей твердости; однако, какія бы опасности ему ни предстояли, но онъ рѣшился непременно видѣть развязку сего страннаго приключенія. Проводникъ его пошелъ за гробницу, отворилъ небольшую дверь, и показавъ лѣстницу, сдѣлалъ знакъ, чтобъ онъ шелъ впередъ.

Сиръ Карлъ безпрестанно оглядывался, чтобъ примѣчать движенія незнакомца, котораго онъ началъ подозрѣвать въ какомъ нибудь злодѣйскомъ намѣреніи, поперявъ надежду быть свободнымъ. Сошедъ ступеней тридцать, проводникъ его наклонился, чтобъ пославить лампаду; Сиръ Карлъ поспѣе бросается на него, чтобъ вырвать у него оружіе; но онъ немедленно поднялся и приспавилъ къ

груди его пистолетъ. Огорченный ссю неудачею, Сиръ Карлъ ожидалъ равнодушно смерти; но проводникъ его бросился къ нему на колѣни, и, казалось, просилъ прощенья за учиненное ему насиліе. Не понимая страннаго сего поступка, Сиръ Карлъ протянулъ ему руку, чтобъ его поднять: незнакомецъ схватилъ ее, прижалъ къ своему сердцу и сдѣлалъ знакъ ипши внизъ и хранилъ молчаніе. Ничто не могло сравняться съ удивленіемъ нещастнаго брата Женни. Недоумѣніе его умножалось безпрестанно; но онъ надѣялся, что тайна сія скоро откроется, и онъ продолжалъ сходить.

Когда они сошли внизъ, то лампада, поставленная на лѣстницѣ, уже ихъ не освѣщала; тогда незнакомецъ, взявъ Сиръ

Карла за руку, велѣ его очень долго въ самой глубокой шемношѣ.

Вдругъ Сирѣ Карлъ видѣтъ свѣтъ, весьма свѣтло освѣщенную онъ старался разсмотрѣть, откуда происходилъ сей свѣтъ; но ничего не узналъ. Не доходя до сей свѣтны, проводникъ поворошилъ съ нимъ въ сторону; тогда Сирѣ Карлъ понялъ, отъ чего происходилъ свѣтъ: чрезмѣрной величины лампада освѣщала подземелье, раздѣленное рѣшеткою на двое. Стоя подлѣ столба, поддерживающаго сводъ, онъ легко могъ видѣть все, не будучи самъ видимъ. Проводникъ поднялъ его покрывало, и положилъ ему на ротъ палецъ, приставилъ къ груди его пистолетъ.

Внутри подземелья, составляющаго обширную тюрьму,

Сирѣ Карлѣ увидѣлъ женщину, погруженную въ глубочайшую горестъ; сухощавое лице ея было блѣдно, глаза томны и по впадшимъ щекамъ ея капилсь слезы. Противъ сей несчастной, прикованной къ стѣнѣ цѣпью, стоялъ шкафъ, на которомъ были часы, показывающія въ исходѣ второй часъ по полуночи. Сирѣ Карлѣ обратилъ все свое вниманіе на сію женщину, которой участь раздирала его сердце; онъ смотрѣлъ на нее съ живѣйшимъ участіемъ. Вскорѣ, какъбудто пробудясь отъ болѣзненнаго сна, взглянула она на часы и вскричала: Боже мой! часъ приближается и мученіе мое снова начнется!... Жестокій Перкинсъ!... какое ужасное мщеніе!

При семъ плачевномъ воплѣ

Сирѣ Карлѣ узнаетѣ голосѣ, слышанный имѣ въ подземельѣ, гдѣ видѣлъ машину, которая безѣ сомнѣнія была сдѣлана для нарушенія спокойствія сей несчастной. Едва успѣлъ онѣ сіе подумать, какѣ ударило два часа. Вдругѣ страшный шумѣ раздался въ подземельѣ, шкафѣ опворился, и Сирѣ Карлѣ увидѣлъ съ ужасомѣ двѣ восковыя спатуи въ человѣческой роспѣ: одна представляла его самого, поражающаго другую спатую, въ которой узналъ онѣ изображеніе того незнакомца, чей портретѣ былѣ ему отданѣ. Въ крайнемѣ изумленіи смотрѣлъ онѣ на это зрѣлище, какѣ услышалѣ опять спонѣ несчастной. Ахѣ! говорила она, каждой часѣ жизни моей умножаешѣ мои горести, представляя мнѣ сію страшную картину..

Постой, несчастной! . . . что ты дѣлаешь! . . . Кровь, которую ты готовъ пролить . . .

Сирѣ Карлѣ не могъ болѣе ничего разслушать: прежней шумъ раздался и шкафъ зашворился съ прескомъ. Наполненные слезами глаза его усремляющся на несчастную, которой участь приводила его въ отчаяніе, она уже ничего не говорила, и безпрестанно рыдая, упала въ обморокъ.

Распроганный Сирѣ Карлѣ бросается въ рѣшеникъ; но проводникъ его удерживаетъ, опускаетъ его покрывало и, зажавъ ему рукою ротъ, шашитъ назадъ. Взойдя на лѣстницу, онъ взявъ свою лампаду, освѣлъ плѣника въ его комнату, и оспановясь у двери, обнялъ его въ послѣдній разъ. Сирѣ Карлѣ чувствуешь, что слезы его

незнакомца омочили лице его сквозь покрывало; по невольному движению бросается онъ въ его объятія: незнакомецъ енискалъ его любовь, хотя онъ не понималъ, какая была цѣль его показавъ ему ужасное зрѣлище, которое онъ видѣлъ.

Обнявъ еще разъ Сиръ Карла, онъ вынулъ изъ кармана записку и подалъ ему ее: но въ самое то время, какъ онъ протянулъ руку, чтобъ ее взять, другая дверь отворилась, и Сиръ Карлъ содрогнулся, увидя, что вошелъ топъ самой пассажиръ, котораго пугалась нѣсколько разъ Женни. Тутъ незнакомецъ немедленно положилъ записку въ ротъ, погасилъ лампаду и скрылся., Сюда, друзья, кричалъ пассажиръ, и бросился въ ту сторону, куда побѣжалъ проводникъ Сиръ Карла: раздался

нисполетной выстрѣлъ и попомъ все умолкло. Тогда несчастной плѣнникъ думалъ воспользоваться симъ случаемъ, чтобъ уйти; ибо двери остались не заперты; но едва успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ увидѣлъ двухъ Араповъ съ мечами, и еще нѣсколько людей, которые несли факелы. Они поспѣшъ схватили Сиръ Карла; высокой челоуѣкъ сорвалъ съ него покрывало и, отступивъ назадъ, вскричалъ съ удивленіемъ: „Боже мой, это Сиръ Карлъ! — Такъ, это я, о п в ѣ ч а л ъ онъ, узнавъ голосъ пирана, которой въ залѣ гробницы пребывалъ отъ него ужасной клятвы. Онъ велѣлъ опвесить Сиръ Карла въ свою комнату, и тамъ хотѣлъ узнать, какое было его намѣреніе и какимъ образомъ д о с т а л ъ онъ это платье;

но мужественной молодой человек не отвѣчалъ на его вопросы, и пирани, пришедши въ бѣшенство, вышелъ съ угрозами, оставляя его подъ охраненіемъ Араповъ.

Размышляя объ этомъ происшествіи, Сиръ Карлъ понялъ, что незнакомецъ водилъ его въ подземелье безъ согласія гонимеля. Онъ полагалъ, что записка открыла бы ему цѣль сего намѣренія, и можетъ быть черезъ нее узналъ бы онъ средство избавишься; сверхъ того, такъ какъ знаки дружбы сего человека доказывали ему, что онъ бралъ въ немъ участіе, то онъ твердо рѣшился не говорить ничего, что могло возбудить подозрѣніе.

Вскорѣ возвратился пирани, имѣя въ рукахъ сосудъ, наполненный чернымъ пищемъ. Сиръ

Карлъ, вскричалъ онъ, должно открыть мнѣ измѣнника, который доставилъ тебѣ эту одежду, или погибнуть. — Я презираю твои угрозы, отвѣчалъ Сиръ Карлъ. — Открой все немедленно, или пишье се.. Между гнуснымъ поступкомъ и смертію, отвѣчалъ Сиръ Карлъ, выборъ мой сдѣланъ. Вотъ мой отвѣтъ, прибавилъ онъ, взявъ сосудъ и выпивъ пишье, которое въ немъ было.

Всѣ удивились сему мужественному поступку. но Сиръ Карлъ улыбнулся, взглянувъ съ презрѣніемъ на злодѣевъ. Вскорѣ кровь его охладѣла и мрачное облако покрыло глаза его., Ахъ! сказалъ онъ, пусть смерть моя не допуститъ васъ до новыхъ преступленій, и чтобъ несчастная Женни... Онъ не могъ

выговорить болѣе ни слова, и упалъ къ ногамъ своего пирана.



ГЛАВА IV.

Сиръ Карлъ думалъ, что выпивъ пагубное питье, которое произвело въ немъ смертный жадъ, онъ кончилъ свои несчастія; но съ какимъ удивленіемъ увидѣлъ онъ опять дневной свѣтъ! Долго считалъ онъ это мечпою: но наконецъ увѣрять, что живетъ еще, удивился болѣе, когда увидѣлъ, что стѣны того замка исчезли и что онъ находится въ лѣсу. Древніе дубы обняли зелень, на которой онъ сидѣлъ; въ нѣсколькихъ шагахъ быспрый потокъ стремился съ горы и од-

но его паденіе, повторяемое эхомъ, возмущало пишину, царспвующую въ семъ мѣстѣ.

Какая странная переменна! Сирь Карлъ свободенъ и одинъ съ самимъ собою, а за нѣсколь-ко часовъ прежде былъ неволь-никомъ шайки убійцъ. Но какимъ образомъ перенесенъ онъ въ это мѣсто, и какъ могло статься, что онъ еще живъ? Это кажется ему непостижимою загадкою; однако онъ догадывается, что вмѣсто ядовитаго питья выпилъ наводящее сонъ. Ему пріятно было думать, что какой нибудь другъ подмѣнилъ напитокъ, чтобъ избавить его отъ злобы пирана. Всякой разъ, когда чувствовалъ онъ наслажденіе въ своемъ бѣдствіи, то сердце его, питающее чувство благодарности,

искало того, кто бы могъ быть ея предметомъ.

Но ужасное напоминовение возмуцало удовольствіе Сирѣ Карла; онъ предспавлялъ себѣ, что сестра его, любезная Женна, оспалась пмѣнницею въ таинственномъ замкѣ, и содрогнулся, вспомнивъ, какимъ образомъ могъ ее избавить. Нѣтъ! Сирѣ Карлъ не сдѣлается убійцею для освобожденія сестры своей. Какъ онъ теперь свободенъ, то можетъ достать оружіе и итти въ замокъ. Но гдѣ найти его; да и въ какомъ мѣспѣ самъ онъ находится? Все это ему не извѣстно. Однако, будучи на свободѣ, можетъ о помѣ освѣдомиться. Лаская себя сею надеждою, онъ искалъ дороги, чтобъ выйти изъ лѣсу прежде ночи; по солнцу, которое клонилось къ западу, считалъ

онѣ, что было уже около шестипи часовъ по полудни, и такѣ онѣ пробылъ шестнадцать часовъ въ сонномъ забвеніи. Наконецѣ сыскавъ дорогу, пошелѣ впередѣ, и вскорѣ увидѣлъ лошадь, привязанную къ дереву; подошедѣ къ ней нашелѣ письмо, которое было заткнуто за сѣдло. Оно было написано на его имя; онѣ взялѣ его и читалѣ слѣдующее:

Позиновеніе или смерть.

Какѣ скоро ты исполнишь свою клятву, то о томѣ немедленно узнаютѣ. И такѣ въ день полнолунія, въ которой послѣдуешь мщеніе, приходи на это самое мѣсто; ты найдешь путь карешу, которая доставитѣ тебя въ замокъ, гдѣ и получишь награжденіе за свое пови-

зовеніе. Но спарайся доспати
непремѣнно кольцо, носимое из-
мѣнникомъ, котораго ты клял-
ся поразить. П. П. Думай о се-
спрѣ своей и не медли.

Письмо сіе доказало Сирѣ
Карлу, что ширанъ его не оши-
бною подалъ ему наводящій
сонъ напипокъ; онъ видѣлъ,
что злодѣй хотѣлъ воспользо-
зоваться его забвеніемъ, дабы
онъ не могъ узнать мѣста, гдѣ
находился замокъ. Оспорож-
ность сія удвоила горестъ Сирѣ
Карла, которой лишился на-
дежды подать сеспрѣ своей
помощь. Однако, не нашедъ
другой дороги, рѣшился ѣхать
по той же; онъ оцвѣзывалъ уже
лашадь, какъ увидѣлъ на дере-
вѣ корзину, наполненную свѣ-
спными припасами. Надъ нею
висѣлъ кошелекъ, къ которому
привязана была записка слѣду-

ющаго содержанія: „Лошадь сія и кошелекъ, въ коемъ находилъся пяць сотъ гиней, принадлежатъ Сирѣ Карлу Келли.“

Подкрѣпивъ себя нѣскольکو пищею, Сирѣ Карлу сѣлъ на лошадь и взявъ сѣбѣстные припасы и деньги, далъ ей свободу, увѣренъ будучи, что она пойдетъ прямо къ замку. Черезъ часъ онъ выѣхалъ изъ лѣсу, но не видалъ ничего, кромѣ цѣпи скалъ, на которыхъ были разсѣяны деревья. Дорога становясь уже, шла между скалъ, и Сирѣ Карлу, видя приближеніе ночи, опасался по ней ѣхать: однако, не видя другой, рѣшился продолжать прудной путь свой.

Онъ ѣхалъ, разсматривая крупныя скалы, какъ вдругъ увидѣлъ на одной изъ нихъ чело-вѣка, которой на него смотрѣлъ; съ какимъ удивленіемъ

узналъ онъ въ немъ незнакомца, почти безпрестанно слѣдовавшаго за нимъ, и котораго онъ видѣлъ наканунѣ въ замкѣ. Сиръ Карлъ надѣялся воспользоваться соединеніемъ сего мѣста, чѣмъбъ узнать побуждающую его къ тому причину. Онъ съходящѣ поспѣшно съ лошади, идещѣ съ трудомъ по скалѣ, и наконецъ приходилъ на то мѣсто, гдѣ видѣлъ снраннаго сего незнакомца; но онъ уже исчезъ и Сиръ Карлъ нигдѣ не могъ найти его.

Опасаясь сбиться съ дороги, онъ возерапился къ своей лошади и продолжалъ свой путь, сожалея, что пропустилъ случай узнать тайны замка и причину, для чего незнакомецъ за нимъ слѣдовалъ.

Наспунившая вскорѣ ночь подвергла нашего героя величайшимъ опасностямъ; темнота

скрывала отъ него пропасти, близъ которыхъ онъ ѣхалъ, и лошадь его была единственныиъ его путеводителеиъ. Вдругъ благоразумное животное оспановилось; Сиръ Карлъ понуждалъ ее, но она отступила назадъ. Удивленный сею упорностію, онъ старался узнать, отъ чего она происходила, и увидѣлъ подъ собою бездну. Надменный человекъ мечтаетъ, что онъ одинъ имѣетъ способность мыслить и рассуждать; онъ говоритъ, что прочія животныя поступаютъ только по инстинкту; но сколько бы люди выиграли, когда бы промѣняли свой разумъ на инстинктъ животныхъ! Такъ думалъ Сиръ Карлъ, признаваясь, что онъ обязанъ былъ жизнью своей лошади. Посмотрѣвъ со вниманіемъ вокругъ себя, увидѣлъ онъ

дорогу на право и по ней поѣхалъ. Она шла къ низу, и онъ думалъ, что она ведетъ его въ эту бездну, въ копорой едва было не погибъ. Глухой шумъ, умножающійся безпрестанно, увеличивалъ ужасъ ночи; но наконецъ луна выглянула изъ за облаковъ, и передъ нимъ открылось море.

Видъ сей успокоилъ Сиръ Карла. Онъ ласкался надеждою, что ѣхавъ вдоль берега, найдетъ какую нибудь рыбачью хижину; и продолжая путь свой, увидѣлъ не далеко отъ берега барку; онъ вскричалъ отъ радости, и крикъ его былъ повторяемъ эхомъ: ему казалось, что множество голосовъ ему отвѣчали, и онъ надѣялся, что его слышали, ибо барка приближалась на веслахъ. Люди, находившіяся въ ней, выскочили на

берегъ, и Сиръ Карлъ поскакалъ къ нимъ; но какъ описать его удивленіе, когда они бѣжали къ нему съ саблями въ рукахъ! Будучи слишкомъ смѣлъ, чѣмъ обратиться въ бѣгство, онъ схватилъ свои пистолеты и кричалъ бездѣльникамъ: кто бы вы ни были, не приближайтесь, или вы погибнете; не взирая на это они на него напали; одинъ изъ нихъ схватилъ за узду лошадь Сиръ Карла; но онъ положилъ его на мѣстѣ пистолетнымъ выстрѣломъ: между тѣмъ другой воскнулъ саблю свою въ грудь лошади; она упала, и несчастный братъ Женни вмѣстѣ съ нею. Вскочивъ немедленно, онъ мужественно оборонялся и поразилъ еще одного разбойника; но послѣ сего сталъ уже безъ оружія. Гнусные его непріатели,

пользуясь его замѣшательствомъ, схватили его, связали ему руки, и поплащили къ баржѣ. Тупѣ услышали они конской топотъ и вдругъ явился человекъ верхомъ, имѣя въ рукахъ блестящій отъ лунныхъ лучей мечъ, и бросился между корсеровъ. Трое изъ нихъ напали на всадника, между тѣмъ какъ остальные два тащили Сиря Карла, которой тщетно старался у нихъ вырваться. Они были уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ барки, какъ прискакалъ другой всадникъ: уstraшенные бездѣльники оставили Сиря Карла, бросились въ барку и удалились отъ берега. Подожди, Сиря Карлъ! сказалъ незнакомецъ; я развяжу тебѣ руки.—Сиря Карлъ подошелъ къ нему, благодаря его; незнакомецъ, перерѣзавъ веревки, го-

верилъ ему: „возьми это ору-
 жие и спѣши на помощь къ тво-
 ему избавителю. Едва успѣлъ
 онъ это выговорить, какъ уда-
 рилъ свою лошадь и поскакалъ
 прочь; но луна освѣтила лице
 его и Сиръ Карлъ узналъ въ
 немъ того страннаго человѣка,
 которой безпрестанно за нимъ
 слѣдовалъ послѣ возвращенія
 его изъ Ямайки, безъ всякой
 извѣстной ему причины.

Удивляясь сей странности,
 онъ забылъ опасность своего
 избавителя: но пришедъ въ се-
 бя, спѣшилъ къ нему на по-
 мощь; однако когда онъ при-
 бѣжалъ, то незнакомецъ по-
 разилъ уже послѣдняго разбой-
 ника. Желая изъяснить благо-
 дарность свою сему великоду-
 шному человѣку, Сиръ Карлъ
 бросился въ его объятія, и не
 могъ выговорить ни слова. На-

конецъ, когда волненіе чувствъ его миновалось, сказалъ онъ ему: „какъ могу возблагодарить васъ за оказанное мнѣ вами благодареніе? — Вы ничѣмъ мнѣ не одолжены, опивчалъ незнакомецъ: человеколюбіе обязывало меня подать вамъ помощь. — „Ахъ, избавитель мой! благодарности моя... Я принимаю ее съ удовольствіемъ. Но какимъ щастливымъ случаемъ вы здѣсь находитесь? — Поперявъ дорогу между сихъ скалъ, я спарался изъ нихъ выѣхать, какъ вдругъ услышалъ крикъ и потомъ выспрѣлъ: тогда понуждая лошадь свою, я поспѣлъ на помощь къ вамъ въ то время, какъ васъ щадили на барю; и поспавляю себѣ за щастіе, что избавилъ васъ изъ рукъ бездѣльниковъ.

Сиръ Карлъ, полагая, что

незнакомецъ сей былъ товарищемъ того, который обратилъ двухъ разбойниковъ въ бѣгство, надѣялся что нибудь о немъ узнать; однако сей послѣдній перебилъ разговоръ, просилъ его указать ему дорогу къ какому нибудь обитаемому мѣсту. „Ахъ! сказалъ Сиръ Карлъ, я не только что сбился съ пути, также какъ и вы, но и не знаю даже, въ какой землѣ нахожусь. — Какъ, вы не знаете, что вы въ Шотландіи? — Въ Шотландіи?, . . Справность моихъ приключеній не позволила мнѣ этого знать до сего времени. — Это меня очень удивляетъ; и такъ мы оба безъ приспанища; однако силы мои истощились и мучительной голодъ. „ Успокойтесь, у меня было нѣсколь-

ко сѣбѣстныхъ припасовъ; мы можемъ ими подкрѣпить себя.

Не взирая на мрачныя облака, копорыя скрывали иногда луну, Сирѣ Карль отыскалъ свои припасы, и взявъ ихъ, пошелъ съ незнакомцемъ на скалу; тамъ они отдохнули и нѣсколько поѣли. Потомъ сошли опять на берегъ, надѣясь, что идучи вдоль его, найдутъ какое нибудь жилище. Пройдя нѣсколько шаговъ, услышали пріяпной голосъ; долго считали они это мечтою, но наконецъ увѣрились, что онъ выходилъ изъ ближняго мѣста. При лунномъ свѣтѣ увидѣли они опверспіе гроша, находящагося подлѣ нихъ и немедленно въ него вошли; въ немъ голосъ былъ слышенъ гораздо явственнѣе; но какъ скоро они изъ него выходили, то онъ

становился слабѣе. Удивленіе ихъ увеличилось, когда споя въ концѣ гротта, узнали, что звуки происходили отъ игранія на арфѣ и были сопровождаемы женскимъ голосомъ. Они услышали слѣдующія слова:

Четырнадцать лѣтъ двѣца
 Мечтаетъ пайно о любви;
 Она подобна юной розѣ,
 Едва раскинувшей свой цвѣтъ.
 Въ ея умильныхъ, нѣжныхъ
 взрахъ
 Стыдливость робкая видна:
 Улыбка на устахъ прелест-
 ныхъ,
 Невинности сердечной знакъ.
 Какъ скоро минетъ ей ше-
 стнадцать,
 То кровь волнуется въ гру-
 ди;
 Она повсюду ощущаетъ
 Въ душѣ несносну пущоту.

Когда же въ первой разѣ
 услышишь:
 „Прекрасная, люблю тебя!“
 То все на свѣтѣ забываетъ—
 Не знаешь, что на то ска-
 зать.

Спрашисъ, о юности непо-
 рочна,
 Спрашисъ обманчивой люб-
 ви!

Она скрываетъ часто безд-
 ну,

Прельщая блескомъ красоты!
 Познай, что клятва съ пре-
 ступленьемъ

Почти всегда въ однихъ ус-
 тахъ:

И тотъ одинъ любить умѣ-
 енъ,

Кто свято добродѣтель
 чинитъ!

Увѣрены будучи, что скалы
 и обитаемы, Сиръ Карлъ и

поварищъ его старались най-
ти дорогу, копорая бы приве-
ла ихъ въ жилищу пѣвней жен-
щины. Зная чувствительность
и состраданіе нѣжнаго пола,
они надѣялись, что она не оп-
кажетъ имъ въ госпепріим-
ствѣ.

Размышляя такимъ образомъ,
путешественники наши ходили
между скаль. Сиръ Карлъ шелъ
впереди своего поварища, копо-
рой велъ свою лошадь за узду;
вдругъ она осипуилась, упала въ
прашепъ и повлекла за собою
своего хозяина; но по щаспю онъ
выпустилъ поводъ, и Сиръ
Карлъ успѣлъ его удержатъ. Бу-
дучи устращены симъ приклю-
ченіемъ, они не смѣли продол-
жать путь свой; они содрога-
лись отъ угрожавшей имъ опа-
сности и пребыли нѣсколько
времени въ глубокомъ молча-

ніи. Наконецъ ночное свѣщило явилось въ полномъ своемъ блескѣ; мрачныя облака разсѣялись, и свѣтъ оживилъ мужество Сирѣ Карла и его повариха: ободряя другъ друга, они пошли далѣе. Не удаляясь отъ того мѣста, гдѣ было слышно прекрасное пѣніе, они старались опыскапъ къ нему дорогу; однако все исканіе ихъ было тщетно и черезъ нѣсколько времени они пришли опять къ морскому берегу. Огорченные сѣю неудачею и опасаясь сбиться совершенно съ дороги, они рѣшились ожидать солнечнаго восхода и удалились въ какое нибудь мѣсто, удобное для препровожденія ночи. Но едва успѣли они пройти нѣсколько шаговъ, какъ увидѣли свѣщъ въ близкомъ разстояніи; они немедленно шуда

тошли и пришли къ лѣспнищѣ, которая, казалось, была высѣчена въ скалѣ самою природою; взоидя по ней, пришли къ двери, подлѣ которой было не большое окошко, откуда выходилъ свѣтъ.

Обрадованный Сирѣ Карлѣ поступался, и вскорѣ вышелъ стары въ котораго благородный и пріятный видѣ не отвѣчалъ его простой рыбацкой одеждѣ., Не откажи, доброй старикѣ, въ гостепрїимствѣ двумѣ путешественникамѣ, потерявшимъ дорогу, сказалъ Сирѣ Карлѣ. Милости прошу, отвѣчалъ рыбаѣ; я радѣ всегда гостямѣ и буду служить вамѣ всѣмѣ плѣмѣ, что у меня есть. — “Будь увѣренѣ, что мы не упошребимѣ во зло швоего снисхожденія. — Говоря такимѣ образомѣ, они вошли въ хижину, находящуюся

ся въ скалѣ. Тогда въ первый еще разъ Сиръ Карлъ взглянулъ съ ббольшимъ вниманіемъ на своего поварища; онъ хотѣлъ разглядѣть черты своего избавителя; и какъ описать его удивленіе, когда онъ узналъ въ немъ того челоѡвка, котораго клялся погубить!

Увидя кровь на его плащѣ, онъ вскричалъ отъ ужаса, лишился силъ и упалъ въ его объятія. Между тѣмъ, какъ поварищъ Сиръ Карла поддерживалъ его, рыбакъ дѣлалъ ему всѣ нужныя пособія, и когда онъ пришелъ въ себя, то спросилъ причину его смущенія. Зная, сказалъ Сиръ Карлъ, что эпитѣ великодушной челоѡкъ подвергалъ за меня жизнь свою опасности; я вижу на его плащѣ кровь и трепещу . . . — Успокойся, молодой челоѡкъ, кровь

сія не его, а твоихъ убійць.— При словѣ убійцы Сирѣ Карлѣ содрогнулся, вспомнивъ, что онъ далъ кляпву онымъ быть, и видя, что избавитель его назначенъ жертвою. Пожалуй оспавъ свое сомнѣніе, сказалъ рыбаку, копорой примѣнилъ волненіе его чувствъ; безцокость твою происходить отъ благодарности, но избавитель твой не раненъ.

Какъ скоро Сирѣ Карлѣ нѣсколько успокоился, то рыбаку спрашивалъ его, какимъ образомъ зашли они въ такое отдаленное мѣсто? Путешественники рассказали ему въ короткихъ словахъ случай, по которому встрѣтились, и тщельныя свои спаранія найви мѣсто, гдѣ слышали прелестное пѣніе. Казалось, что рыбаку этому удивлялся, и просилъ

ихъ сводить его туда, какъ скоро настанетъ день.

Едва кончили они свой разговоръ, какъ услышали при удара, но не могли узнать, откуда происходилъ шумъ. Тутъ рыбакъ поспѣшно затворилъ дверь, въ которую они вошли, и обернувшись къ Сиръ Карлу и поварищу его, сказалъ: „Государи мои! я довольно уже васъ знаю, чтобъ почипать васъ; одинъ честной человекъ подвергаетъ жизнь свою опасности для спасенія ближняго; а тотъ, кто знаетъ благодарность, этого достоинъ; и такъ я смѣло могу на васъ положиться. Я намѣренъ доставить вамъ всѣ удовольствія, какія можно имѣть въ этомъ мѣстѣ, и вы можете въ немъ пробыть, сколько вамъ угодно; но съ тѣмъ условіемъ, что вы не будете

дѣлать ни одного вопроса, и что сохраните навсегда втайнѣ все видѣнное и слышанное вами. „ Мы даемъ въ помѣ честное слово.— Я вѣрю вамъ: теперь позвольте завязать себѣ глаза. „ — Какъ! — Пожалуйте положитесь на меня, такъ какъ я на васъ полагаюсь. „ — Хорошо, сказалъ Сиръ Карлъ, взглянувъ на своего поварища, мы на все согласны, только съ тѣмъ, чтобъ насъ не разлучали. — „ Этого и не будетъ, а если вы такъ недовѣрчивы, можете взять свое оружіе. — Сиръ Карлъ и поварищъ его говорили, что это не нужно; однако рыбакъ ихъ къ тому принудилъ, примолвивъ: „ возьмите другъ друга за руку, чтобъ вамъ не разлучиться; послѣ чего завязалъ имъ глаза. Тутъ услышали они опять

спукъ и потѣмъ отворилась дверь ; но путешественники узнали , что это была не та , въ которую они вошли . Вскорѣ хижина наполнилась множествомъ людей и рыбакъ сказалъ : „ ведите . „ — Тогда Сиръ Карлъ и товарищъ его почувствовали , что ихъ взяли тихо за руки и повели впередъ , говоря , чтообъ нагибались . Черезъ нѣсколько времени имъ велѣли поднятъ головы , и они продолжали идти , слыша спукъ множества дверей , которыя отворялись и заворялись одна за другою . Наконецъ имъ сказали , что передъ ними три ступени вверхъ , на которыя ихъ взвели , и проведя еще нѣсколько , посадили на мѣсто ; вскорѣ раздалась прекрасная музыка и глаза ихъ потчасъ развзали .

Какъ удивились путеше-

спвенники, когда увидѣли, что находящаяся въ великолѣпной залѣ, гдѣ золото со всѣхъ сторонъ блиспало! Мраморные столбы поддерживали сводъ, украшенный превосходною живописью, а вверху были хоры, гдѣ играли музыканты. Двадцать чепыре хрустальные люстры, въ коихъ было множество свѣчей, разливали чрезвычайной свѣтъ. Въ срединѣ стоялъ накрытый столъ съ лучшими блюдами: въ каждомъ углу была золотая ваза, въ которой курились ароматы. Сиръ Каръ и товарищъ его не могли еще припомнить въ себя отъ удивленія, какъ увидѣли десять Негровъ въ Азіатскомъ платьѣ, которые шли передъ спарикомъ, богато одѣтымъ; но они еще болѣе удивились, когда узнали

въ немъ рыбака. За нимъ шелъ молодой мужчина, одѣтый также богато, и велъ молодую прекрасную дѣвушку, которая блескомъ красокъ затмѣвала всѣ свои украшенія.

Сиръ Карлъ глядѣлъ на нее съ восхищеніемъ и чувствовалъ въ первый разъ силу любовнаго пламени. Вдругъ онъ бросается въ объятія ея, кто велъ прекрасную. Товарищъ Сиръ Карла крайне удивился сему поступку; старикъ остановился; молодая красавица отступила назадъ, и всѣ смотрѣли на него съ изумленіемъ, какъ вдругъ онъ вскричалъ: „Гюпнеръ, мой любезный Гюпнеръ! наконецъ я тебя вижу! — Капитанъ съ своей стороны обнималъ Сиръ Карла съ безмѣрною радостію; наконецъ, представ-

ляя его старику, говорилъ:, ба-
 пюшка, вотъ пошѣ другѣ, копо-
 рой, скрывшись нечаянно, причи-
 нилъ мнѣ много горести!—Какъ,
 сказалъ старикъ, это пошѣ са-
 мой другѣ, съ которымъ ты раз-
 спался въ Плимутѣ? Я весьма
 радъ, что вижу васъ вмѣстѣ:
 ваше удовольствіе есть собсп-
 венное мое услажденіе. Доброй
 старикъ, лаская Сирѣ Карла,
 старался доказатьъ ему свое чи-
 спосердечіе; но видя, что онъ
 забывалъ своего товарища, ко-
 торой въ молчаніи смотрѣлъ
 на эту прогательную карши-
 ну, немедленно къ нему подошелъ
 и началъ съ нимъ говорить.

Гюннеръ, пользуясь симъ вре-
 менемъ, спрашивалъ у Сирѣ
 Карла о сестрѣ его; но онъ
 вмѣсто отвѣта вздохнулъ и
 опустилъ глаза въ землю. „Ты
 молчишь, сказалъ поблѣднѣв-

шій Гюпнеръ; не уже ли жизнь сестры твоей... Успокойся, отвѣчалъ Сиръ Карлъ, она еще жива; но ахъ! я съ нею разлученъ, и вотъ причина моей горести. Ты узнаешь отъ меня всѣ несчастія, которыя я претерпѣлъ по разлукѣ съ тобою.— Ахъ, другъ мой! прервалъ Капитанъ: придетъ ли время, что мы не будемъ уже разлучаться?—Осцавьте мрачныя мысли, сказалъ подошедшій старикъ, и наслаждайтесь удовольствіемъ быть вмѣстѣ; я надѣюсь, что любезные мои госпи не такъ скоро отъ меня пойдутъ; а между тѣмъ намъ не должно забывать ужина.

Старикъ посадилъ незнакомца подлѣ себя; а Гюпнеръ посадилъ Сиръ Карла между собою и дѣвицею, которую онъ привелъ, и сказалъ ей: „я

надѣюсь, любезная сестра, что по любви своей ко мнѣ ты не оставишь безъ вниманія друга моего. Ты знаешь, опивѣчала она покраснѣвъ и улыбнувшись, что Шарлотта всегда готова угождать своему брату. Сирѣ Карлъ извѣснялъ ей свое удовольствіе, что имѣлъ честь узнать сестру своего друга, а сердце его благодарило тайно Гюпнера за то, что онъ посадилъ его подлѣ нее.

Видѣ этой прекрасной особы плѣнилъ его совершенно; Гюпнерѣ вскорѣ это замѣтилъ, а Шарлотта немедленно угадала. Часто взоры ея встрѣчались со взорами Сирѣ Карла, и она мгновенно краснѣла и смущалась. Гюпнерѣ раздѣлялъ восхищеніе своего друга; надежда увидѣть Женни возвращала душѣ его спокой-

спвіе и пихую радость. Нѣ-
 сколько разъ умножалъ онѣ за-
 мѣшательство Сирѣ Карла и
 сестры своей; коварными шу-
 ками разжигалъ онѣ пламень,
 пылающій въ сердцахъ ихъ.

Наконецъ ужинѣ кончился;
 Сирѣ Карлѣ извлеченѣ былъ
 изъ своего забвенія разгово-
 ромъ своего поварища съ оп-
 цемъ Гютнера. Желая коро-
 че узнать своего избавителя
 и причину, по которой онѣ
 заслужилъ ненависть того че-
 ловѣка, которой искалъ его
 погибели, также услышать
 что нибудь объ ужасномъ жи-
 лищѣ, гдѣ онѣ оставилъ сест-
 ру свою, Сирѣ Карлѣ сказалъ
 незнакомцу: „Государь мой! я
 обязанъ вамъ жизнью, и никакъ
 не въ силахъ за сіе воздать;
 но я весьма доволенъ, что мо-
 гу также быть вамъ поле-

зенъ: вы имѣете непріятелей, и непріятелей сильныхъ.

Чѣмъ заслужилъ я ихъ ненависть? — „Я этого не знаю; но жизнь ваша въ опасности., — Какимъ образомъ дошло до васъ объ этомъ сведѣніе — и почему вы меня теперь узнали? Мнѣ извѣстны намѣренія вашихъ непріятелей, но не имѣя чести васъ знать, я имѣю нужду въ нѣкоторыхъ объясненіяхъ, дабы обратить противъ нихъ ударъ, которой они вамъ готовятъ; и такъ прошу васъ сказать мнѣ причину ихъ злобы?—Это можетъ наскучить любезнымъ нашимъ хозяевамъ; но когда мы будемъ одни, то... — „Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ старикъ, говорите: мы будемъ слушать васъ съ истиннымъ участіемъ и удовольствіемъ., — И такъ, удо-

влетворяя вашему желанію, я
 расскажу вамъ свою исторію,
 и вы увидите, долженъ ли я
 былъ когда нибудь спыдисься
 своихъ поступковъ. Имя мое
 Эдуардъ Келли Опецъ
 мой! — вскричалъ Сиръ Карлъ
 бросаясь къ ногамъ его —
 Чпо я слышу? какъ! вы Сиръ
 Карлъ Келли! — „Такъ, сынъ
 вашъ у ногъ вашихъ.“ — О при-
 лпнбйшая минуна! Эду-
 ардъ Келли обнималъ Сиръ
 Карла, которой проливалъ сле-
 зы: ужасныя мысли обв уча-
 сти, грозившей опцу его, на-
 рушали его удовольствіе. Нб-
 сколько несвязныхъ словъ вы-
 рываються изъ устъ его и въ
 глазахъ его видно удовольствіе,
 ембщанное съ живою горестію.

Гюпнеръ, сестра его и опецъ
 смотрбли съ нбжнымъ участі-
 емъ на опцу прогательную кар-

шину; природа сильно дѣйствовала на сердце старика: слезы умиленія текучь изъ глазъ его, и по невольному движенію онъ простираетъ руки свои къ дѣтямъ, которыя бросаются съ восхищеніемъ въ его объятія.

Келли былъ въ себя отъ радости, глядя на своего сына; но наконецъ онъ огорчился несвязными его словами. Преодолевъ свой восторгъ, онъ старался успокоить волненіе Сиръ Карла, которой не выходилъ изъ его объятій. Слезы его текли ручьями, и казалось, что ласки отца еще болѣе ихъ извлекали. Ахъ! несчастной Сиръ Карлъ вспоминалъ съ ужасомъ о данной имъ клятвѣ; онъ опасался, что не взирая на всѣ свои усилія, не будетъ въ состояніи отвратить удара, который гро-

зиль опцу его: сія ужасная мысль приводила его въ претпетѣ и смущеніе изображалось на лицѣ его.

Однако ласки родителя, разговоръ друга и видѣ Шарлотты, которая, казалось, брала въ немъ участіе, нѣсколько его успокоили. Наконецъ, когда онъ совершенно пришелъ въ себя, то просилъ отца своего открыть ему причину злобы жестокихъ его непріятелей.

„Скажите мнѣ все немедленно, говорилъ онъ: опасность вашей жизни и сестры моей отъ того зависятъ. — Какъ! вскричалъ Желли! я долженъ опасаться еще новыхъ бѣдствій!.. И такъ узнай исторію своего отца, и суди, естли судьба или злоба людей могутъ еще умножить его горести!

КОНЕЦЪ II ЧАСТИ